

Елена Семёнова

Удивительные странствия

Сборник сказок

Елена Семёнова

**Удивительные странствия.
Сборник сказок**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Семёнова Е. В.

Удивительные странствия. Сборник сказок / Е. В. Семёнова —
«ЛитРес: Самиздат», 2017

Собрание сказок для детей и не только.

Содержание

ЛИЛОВЫЕ ДАЛИ	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	35
Глава 11	38
Глава 12	40
МЕЧ ИСТИНЫ	42
Глава 2. Напутствие	44
Глава 3. Слепой гусяр	46
Глава 4. Странники	49
Глава 5. Ночлег	52
Глава 6. В лесу	54
Глава 7. Легенда о Кулёме-разбойнике	57
Глава 8. Проша-дурочка	61
Глава 9. Гроза	65
Глава 10. Киев-град	68
Глава 11. Лука-воевода	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

ЛИЛОВЫЕ ДАЛИ

Глава 1

Был на свете такой город – Городище. Был он портовым, торговым и богатым. В иные дни Городище становился похож на огромный базар: все горожане толпились на улице, все что-то продавали и покупали, торговались, злились, не обходилось в этом важном деле и без воришек... Торговали в городе всем, чем можно и чем нельзя. Рядком сидели уже и вовсе нищие, продавшие всё, но не имеющие воли остановиться.

– «Продам волосы... когда отрастут», – гласила табличка перед коротко стриженной девицей.

– «Абучался наукам в лутших завидениях. Абнищал. Прадам мозги. Вазможен торг», – написал на кусочке бересты худошавый парень в круглых очках.

– «Обучался ораторскому мастерству, был актёром. Продаю красноречие...» – возвещало объявление профессорского вида старичка.

– «Продам совесть. Дорого!» – призывала закутанная в шаль женщина.

– «Продам талант...» – объявлял стихотворец.

Илей задумчиво читал эти надписи, посмеивался. Он был сиротой и зарабатывал на жизнь тем, что воровал на базаре. Ловкого подростка давно уже пыталась схватить царская стража, но из этого ровным счётом ничего не выходило, потому как Илей был быстр, хитёр и, благодаря своему доброму и весёлому нраву, имел много друзей.

Прочитав всё надписи, Илей заключил:

– Вы, ребята, обычные обманщики. Торгуете тем, чего у вас нет!

– У меня волосы быстро отрастают. Через месяц коса снова толстенная будет! – уверенно сказала остриженная девица.

– Что ж, – кивнул Илей, – волосы, может, и отрастут. А мозги?

– Дрянной мальчишка! – рассердился учёный парень. – Я, между прочим, даже учёную степень имею!

– Интересно, чему же тебя в твоём заведении учили? – хмыкнул Илей. – В одной табличке столько ошибок!

Все кругом захохотали, а «учёный» покраснел до кончиков ушей.

– Эй, оратор! – крикнул Илей. – А ну-ка, скажи нам речь!

Оратор выпрямился и изрёк:

– Ну, вот, значит, это самое... Э-э-э. Я тут того. Как бы это, вот, сказать? Ну, вот.

– Можешь не продолжать! Мы поняли! Bravo! – зааплодировал Илей. – Ну, торговать совестью и вовсе старо и скучно. Совестью, дорогая госпожа, торгуют все! Или почти все. А тебе-то и торговать нечем... Если бы у тебя была совесть, ты бы её на торги не выставила.

– Ах, ты, маленький негодяй! Я тебе уши оторву! – заверещала дама в шали.

– Эй, рифмоплёт! Сочини чего-нибудь!

– Я терновник, влюблённый в розу!

И мы колем друг друга шипами!

Я обвился вокруг неё в причудливой позе,

Утолил голод свой я её лепестками!

– Съел, значит, розу... – констатировал Илей. – Ясно: Людоед!

Толпа загоготала вновь.

– По-моему, честнее быть вором! – продолжал Илей.

В толпе показались стражники.

– Берегись, Илей! – послышался чей-то крик.

«Учёный» попытался схватить обидчика, но тот проворно отпихнул его, так что грамотей угодил прямо в бьющий неподалёку фонтан. Илей проворно вскарабкался на дерево, качнулся на ветке, прыгнул на ближайший балкон, оттуда по водосточной трубе взобрался на крышу, пробежал немного, надрезал бельевую верёвку и с её помощью перелетел на другую улицу, где шла бойкая торговля. Там он растворился в толпе, срезав, между прочим, по ходу дела кошелек у одного тучного горожанина. С этой добычей он побежал к тетё Эрне, близкой подруге своей покойной матери.

Чердак, на котором жила тетя Эрна с давних пор был пристанищем Илея. Он отдавал ей и её семье деньги, а взамен получал кладовку с сундуком, покрытым тюфяком, и свою порцию за семейным ужином. Два дня Илей не выходил из своей кладовой. Он лежал на сундуке, завернувшись в какое-то тряпье, и неподвижно глядел в потолок. Это тоскливое настроение наваливалось на него раз в несколько месяцев, и в такие периоды он всегда приходил сюда, к тетё Эрне, которая даже еду приносила ему в кладовую, чтобы «больной мальчик» не вставал. В такие дни обычно словоохотливый и весёлый Илей становился мрачным и молчаливым.

– Скажите, тетя Эрна, – спросил он однажды. – А куда уходят люди после смерти?

– В подземное царство, сыночек, – отвечала тетя Эрна. – Юша-змея их забирает, ненасытный, злой... Селит он их вначале в саду своём, а затем проглатывает... Вот и Аурика наша сейчас в том саду, дочка моя. А ты что это, сыночек, о смерти-то говоришь?

– Так просто, – пожал плечами Илей и снова уставился в потолок.

В тот день суждено было произойти страшному и знаменательному событию. Началось всё с того, что с утра весь город словно трянуло. По центральной Базарной площади прошёл глубокий разлом, который стал быстро расширяться, образуя глубокую пропасть, так что вскоре в него стали падать находившиеся неподалёку деревья, лавки, мастерские. Люди сбегались на площадь, склонялись над разверзнувшейся бездной, смотрели в неё, качали головами и в ужасе расходились. Верховный волхв с балкона царского дворца провозгласил:

– О, народ мой! Великая беда постигла нас! Прогневался Юша-змея и требует себе жертву. Разинул Юша свою пасть, и разверзлась бездна, и будет она раздвигаться до тех пор, пока какой-нибудь смельчак добровольно не кинется в неё. А иначе бездна поглотит весь город, поглотит всё: дворцы и лачуги, торговые ряды и порты – ничто не пощадит!

За обедом вся семья тёти Эрны собралась за столом, и её старший сын Всеслав пересказал всю речь Верховного Волхва.

– Короче, нам остаётся надеяться, что найдётся в нашем городе храбрец, который бросится в бездну! – резюмировал он.

– Ну, да! Жди! – усмехнулся младший сын Буслай. – Пока находятся только храбрецы, которые пытаются столкнуть в бездну ближнего своего. Я лично видел: изловили какого-то парня и тащат, тащат его к этой расщелине! Он, бедолага, руками-ногами извивается. А они ему: «Стань храбрецом!»

– Неужели же скинули?! – ужаснулась тетя Эрна.

– Нет, не успели. Он со страху преставился раньше, чем его дотащили.

– Какой ужас! – всплеснула руками тетя Эрна. – А что же стража?

– Смотрела стояла, что ж ещё? Сейчас противостоять толпе опасно. Она кого угодно готова швырнуть в эту пропасть, лишь бы спасти собственные шкуры, даже и не шкуры – имущество, товары, монеты! Толпа озверела и готова на всё. Поэтому, дорогие родственники, не советую вам там ходить, а то чего доброго из вас решат сделать «храбрецов». Лично я уверен, сегодняшний несчастный был только первым. На нём они не остановятся!

– Ах, брат, какие ужасные вещи ты говоришь! – воскликнула Таная. – Неужто ты полагаешь, что на всё Городище не найдётся ни одного благородного рыцаря, который бы спас своей жизнью других?!

– Сестрица, в городе торгашей нет места рыцарям. Если таковые и были, то их сердца уже давно заржавели как их латы и мечи, которыми они торгуют в базарные дни вкуче со славой своей и памятью.

– Какие негодяи!

– Ну, зачем же так сразу, сестричка. Вот, мы здесь вроде бы и не негодяи, как мне кажется, не правда ли? А кто из нас кинется в пропасть? Никто! И я первый – не сделаю этого! И знаешь почему? Да потому что я не хочу отдавать свою жизнь за этих озверелых сребролюбцев, которые сейчас охотятся на каждого, чтобы спихнуть его в бездну. Ради кого жертвовать? Ради этих бессовестных, лживых трусов? Да не в жизнь! Пусть их поглотит бездна, но я не пошевелю пальцем, чтобы спасти их. Мы, в конце концов, можем уехать. Мы бедны, и терять нам нечего. А они пусть останутся. И я пожелаю Змею приятного аппетита!

– Злой ты, однако, братец, – заметил Всеслав. – Это же твой город, твой народ. И не все в нём худые люди. Есть среди них и честные. Есть дети, есть женщины...

– Ты хочешь стать обедом для Змея?

– Нет, не хочу.

– Тогда молчи! Не лицемерь. Все мы трусы, и все заслуживаем этой бездны. И потом ведь каждый из нас рассуждает так: почему я, а не кто-то другой должен жертвовать собой?

Илей медленно вышел из своей кладовой, бледный и печальный.

– Эх ты, Буслайка! Такой ты ещё молодой, а уж столько в тебе дряни... Вот, я прошлой зимой ходил на горки. Там ребятишки катались на санках, играли в снежки, лепили снеговика. И я играл с ними и резвился, как маленький. А ещё совсем недавно видел я двух малюток, играющих в песке. Глаза у них сияют, смеются... Вот, скажи мне, Буслайка, неужели эти беззаботные детские улыбки, смех их звонкий, глаза не заплаканные не стоят того, чтобы отдать за них свою, может быть, и ненужную вовсе жизнь?

– Вот, ты и отдай! – вскипел Буслай. – А я посмотрю!

– И отдам! – вскрикнул Илей и выбежал прочь.

– Илей! Подожди! – закричала тётя Эрна. – Буслай, что ты сделал? Он ведь исполнит обещанное! Останови его!

Буслай вскочил из-за стола и кинулся следом за Илеем, крича:

– Стой, ненормальный, стой! Я пошутил!

Побежала и Таная вместе с братом догонять Илея. Но последний, натренированный убежать от царской стражи, бежал быстро и вскоре уже был на площади. Огромная бездна поглотила её почти всю. С противоположной стороны толпа отловила очередную жертву и волокла её к пропасти. Илей крикнул им через разлом:

– Оставьте этого человека! Отпустите его! Больше жертв не понадобится! – с этими словами он одиноко шагнул к пропасти и, зажмурившись, бросился в неё.

Раздался грохот, на мгновение всё заволокло дымом, а, когда он рассеялся, от бездны не было и следа. И только прибежавшие Буслай и Таная елозили по площади, зовя:

– Илей, Илей! Где ты?

– А этот малец ведь был тот самый воришка, за которым мы гонялись, – заметил один из стражей.

– Ну, туда ему и дорога! – высказался толстый, пунцовый господин.

– Ну, не зря ли я говорил: ради кого жертвовать? – шепнул Буслай сестре. – Пожертвуй им, они тебя же и заклюют за эту жертву и её-то и не простят тебе.

Тут из толпы выбежала закутанная в шаль женщина. Она тряслась от негодования.

– Как ты посмел, купчина красномордый, такое сказать, а?! – возопила она. – Ну, я бесовестная – ладно! А ты?! Мальчишка в пропасть кинулся, спас весь этот проклятый город, тебя со всеми твоими лавками, а ты в него же ещё и плюнуть норовишь! Люди добрые, да очнитесь же вы! Что же это творится?! – она стиснула голову руками и заплакала.

– Люди, послушайте меня! – раздался ещё один голос, принадлежавший оратору-заике. – На наших глазах произошёл подвиг! И подвиг этот должен быть вознаграждён, увековечен в нашем городе! И, вот... Значит, – он запнулся и, махнув рукой, скрылся на одной из улиц.

– Прекрасной смертью пал герой,

Родной спасая город!

Разбился сокол молодой,

Ушёл в могильный холод.

Но будет помнить весь народ

И имя его славить!

И всяк хвалу ему поёт

За подвиг сей отважный! – провозгласил взобравшийся на забор рифмоплёт.

«Лучшие умы» Городища тут же принялись думать, как увековечить память погибшего героя. Во-первых, день его подвига объявили праздником, и в честь этого устроили массовое гуляние, на котором веселился весь город, провозглашая тосты за героя. После праздника решили присвоить ему высший орден Городища, но сочли это не совсем правильным, а потому наградили им сначала Царя, затем Верховного Волхва, и лишь потом непосредственно героя. Постановили установить памятник из чистого золота, но почтенный городской глава решил, что золото будет слишком дорого, и вполне хватит позолоченной меди. Нашлись смельчаки, захотевшие повторить подвиг Илея, для чего кинулись они с моста в реку. Но их выловила оттуда расторопная стража. На этом, собственно, шумиха и кончилась.

Вечером Буслай и Таная возвращались домой. По дороге им встретился сидящий на дороге человек, закутанный в плащ, в старом, проржавевшем шлеме. Человек горько-горько плакал, навзрыд. Таная подошла поближе.

– Что с вами? – спросила она.

– Я трус! – ответил странный человек. – Эх, девочка, я – благородный рыцарь, почётный богатырь нашего города, имеющий титул храбрейшего человека! А что сделал я для спасения города? Я просто сбежал, сбежал в страхе за свою жизнь... А этот мальчик... – тут он заплакал опять.

– Простите, вы что же, богатырь Игнафан? – опешила Таная, изучая шуплую фигуру рыцаря.

– А что, не похож? Ну, да, да... На празднествах на меня надевают специальные одежды, надевают сапоги на высокой подошве – и я кажусь великаном! Мне подбирают соперников, которые специально проигрывают мне. Всё – ложь. Но я верил в неё до сегодняшнего дня. А сегодня я понял, кто я на самом деле. Ничтожество и трус. И что теперь делать я не знаю...

– Попробуйте жить по-другому, без роли и маски, а так, как можете и умеете, – посоветовала Таная.

– Поздно менять что-то, – вздохнул Игнафан. – Но из этого города я уеду. Уеду туда, где не знают моего позора!

– И будете лгать там? – спросил Буслай.

– Не знаю... – вымолвил Игнафан и, поднявшись с земли, пошёл прочь, держа в руке свой шлем и волоча длинный, чёрный плащ.

Глава 2

Смелчак летел долго. Казалось, что пропасть, в которую он прыгнул, не имеет дна. Иногда Илей открывал глаза, но видел лишь сплошной мрак кругом, и больше ничего. Наконец он свалился на что-то мягкое. Что-то заверещало нечеловеческим голосом, вскочило и шарахнулось в сторону. Илей присмотрелся и ахнул от удивления. Перед ним, дрожа от ужаса, стоял «учёный» грамотей с базара.

– Ба! – выдохнул Илей. – И в подземном царстве всё те же физиономии! Ты-то здесь как взялся, грамотей?

– Меня сюда скинули... – всхлипнул грамотей. – Чтобы пропасть закрылась. А тебя, что ли, тоже?

– Нет, я сам, – махнул рукой Илей.

– Как это, сам?

– А так. Подошёл и сиганул. Кто-то же должен был. Почему не я?

– Ты, или дурак, или герой, – заключил грамотей.

– Иногда эти два понятия неплохо сочетаются. Тебя как звать-то?

– Квасур! – чинно представился грамотей.

Илей огляделся. Они находились в небольшой пещере, от которой шёл узкий тоннель, в конце которого маячил тусклый свет.

– Пошли, – решил Илей.

– Куда? – испугался Квасур.

– Вперёд, конечно. Или ты собираешься здесь сидеть вечно? – и храбрец двинулся вперёд по тоннелю, насвистывая весёлую песенку.

Тоннель оказался очень узким. У выхода из него собралась толпа людей тащивших на плечах огромные мешки. Они пытались протиснуться в расщелину выхода, но чрезмерная кладь не пускала их. От большого скопления народа было очень душно. Люди толкали друг друга локтями, давились, кричали и переругивались между собой.

– Ей, люди, вы кто? – окликнул их Илей.

– Тени! – откликнулся тучный мужик с большим мешком. – Нам надо в подземное царство! Жить там теперь будем!

– А почему вы здесь столпились?

– Видишь, какая кладь у нас? Не пролазит она – ход слишком узок!

– Так вы бы бросили её здесь да прошли!

– Учи учёного! В этих мешках собраны все грехи наши, и сбросить их с плеч мы не можем. Боги осудили нас ждать при дверях до тех пор, пока наши мешки не станут тощи до того, что пропустят нас в этот ход.

– Невесёлая участь, – покачал головой Илей и, тонкий и ловкий, выскользнул из тоннеля. За ним выбрался и щуплый Квасур.

Они оказались на большой поляне, на которой танцевали странный и прекрасный танец полупрозрачные мужчины и женщины, а однорогий пастух со скучным видом сидел на траве и играл им на свирели. Какое-то время друзья стояли, заворожено глядя на это дивное представление. Вдруг Илей вскрикнул:

– Аурика! – он бросился прямо в гущу танцующих и схватил за руку совсем юную девушку. – Аурика, милая! Неужели ты не узнала меня? Это же я, Илей! Ну, отчего ты молчишь? Скажи хоть что-нибудь!

Но девушка молчала, покачиваясь из стороны в сторону и глядя невидящими глазами мимо Илея. Пастух перестал играть, танцы прекратились. Он подошёл к Илею и, тряхнув его за плечо, сердито спросил:

– Ты чего мои стада пугаешь, а? Ты кто таков есть?

– Меня зовут Илей! Я сегодня прыгнул в пропасть, чтобы спасти город.

– Фи-и! – протянул пастух, почёсывая рог. – А мы-то думали, что не найдётся такого человека, и Юше весь город достанется. Ну, тогда ладно. Героев бодать не стану... А это кто с тобой? – указал он на трясущегося Квасура.

– Случайный попутчик. Его передо мной скинули.

– Да-а, люди... – протянул пастух. – А что, ты знаешь Аурику?

– Да. Мы дружили с ней, когда она была на земле. А что с ней случилось здесь?

Пастух, прищурившись, поглядел на солнце.

– Полдень, – произнёс он. – Ну, вот, что, гости негаданные, идёте-ка ко мне в избу. Мы с женою вас покормим, чай, вы с дороги проголодались, и расскажем про тутюшные порядки наши.

Он свистнул громко, заложив в рот пальцы. На зов из лесу выбежала странное существо с телом женщины и головой и хвостом кошки. Существо было облачено в чёрное бархатное платье.

– Котошиха, – представил пастух. – Моя помощница. Она пасёт моё стадо в моё отсутствие. – Он протянул ей свирель и велел: – Играй!

Котошиха заиграла нежные напевы вальса, сама легко кружась под его звуки. Закружились и тени на поляне. Пастух взял Илея и Квасура за плечи и повёл их в лес. Лес был тёмный, густой, наполовину высохший, напоминавший заросли гигантских терновников. Пни, сломанные деревья, сучья и ни капли солнечного света – страшный лес. Ухала сова. И от этого по спине грамотея пробежали мурашки.

– Не бойтесь, ребята. Скоро уж к дому придём, – подбодрил пастух. – Меня, друзья, Велесом величают. Мать моя – корова, священная корова батюшки моего, Рода Небесного. Мои братья царят на священном Ирии, а я предпочёл небесам подземелье, а всё почему? Во-первых, прогневил родителя, во-вторых нашёл здесь свою любовь. Вот, и живу здесь. Пасу людские души... Скучно! Да ещё гады эти, Юшины дети косятся. Мол, чего это божий сын в змеином логове забыл? А на Ирии жены моей принять не желают. А родичей её – тем паче! Она же Юши-змея внучка! Бурею Ягой называется. Вий, покровитель местной нечестии – родный дед её, а три брата Змеевича дядьями доводятся. Родня! И сестра у ней есть... Страшилище! Все родственники мерзавцы! А уж матушка ейная... Так бы и забодал! Ну, ладно. Не буду о страшном. Ну, вот и пришли мы, – сообщил он, указывая на скрытую ветвями громадной ели, избушку на курьих ножках. – Милости просим, гости дорогие!

В избе их встретила очень высокая, крупная женщина, припадающая на одну ногу, кутающаяся в большой платок, Буря Яга. Она принялась, шевеля длинным носом, и спросила хрипло:

– Ты кого это привёл к нам, Велес? Никак люди?

– Это, Буря Яга, хорошие люди. Ты их накорми, напои и расскажи им подробно о нашем царстве.

– Накорми, напои... – крикнула Яга и, подойдя к грамотею, присвистнула, сложив губы трубочкой: – Какой хорошенький! Красавчик сладенький!

Квасур в ужасе шарахнулся в сторону.

– Жена! – рявкнул Велес. – Не пугай гостя! И, вообще, давно пора бы забыть ваши семейные нравы! Ишь какие! Чуть кто на порог, так она уже и на шею вешается! Ты себя в зеркало-то видала, а?! Старая ведьма!

– Что?! – взвилась Буря Яга. – Кто старая?! Это ты меня старой назвал? Ах ты, козёл безрогий! Да я ж тебя сейчас!.. – с этими словами она схватила стоявший в углу ухват и со всего размаха огрела им мужа.

Велес покачнулся и присел на скамью. Буря Яга подошла к нему и, чмокнув в лоб, широко улыбнулась беззубым ртом:

– Не обращайтесь внимания, детушки! Вот, женитесь, и узнаете, что такое семейная жизнь. Каждый день как в бой. А я ведь такая красивая была раньше, пока этот коровий сын мне как-то с дури зубы не вышиб, чтоб на меня не зарился никто. Ну, я в долгу не осталась. Кочергу хватить – и рог ему обломала, вот, он и остался с одним рогом! Вы садитесь, детушки, садитесь! Я сейчас на стол налажу! Посидим, побаласничаем... Я страсть как гостей люблю! – и она проворно ринулась к печи, где что-то у неё булькало.

Велес поманил пальцем Илея и, подмигнув, шепнул:

– Никогда не женись на ведьме! Сварливые, скандальные бабы – никакого с ними нет сладу...

– О чём это вы там шепчетесь? – взвизгнула Буря Яга, ставя на стол большой горшок с супом и проворно раздавая всем ложки.

– О тебе, ягодка моя, – ответил Велес и шепнул Илею: – Ягодка-то она ягодка... Только волчья!

– Ну, гости дорогие, кушайте! – пригласила Буря Яга.

Велес достал из-за пазухи флягу и разлил её содержимое себе, Илею и Квасуру.

– Это молоко моей матушки – коровы Земун. Божественный напиток, который пьют на Ирии. Выпьем же за встречу!

– Опять! – завопила Буря Яга. – Да вы поешьте сначала, негодники, а потом пить!

Илей и Квасур взяли было за ложки. Но Велес остановил их.

– Она этот суп из бледных поганок и мухоморов варит. Съедите – отравитесь. Поэтому выпейте сначала молока – оно любые яды обезвреживает.

– Что же это ты, мамаша, отравить-то нас удумала? – спросил Илей, выпивая свой стакан. – А говорила, что гостей любите!

– Любит, – подтвердил Велес. – На завтрак, обед и ужин.

– Злая же ты, мамаша! И не стыдно?

– Да не злая я! – заплакала Буря Яга. – Стыдно, а что я могу с собой поделаться?!

– Она действительно не злая. Только характер у ней скверный. А характер – это их родовая черта, дурная наследственность, так сказать. Ну, что делать, если все в их семействе человечины питаются? И она тоже людоедка. Только редко ей люди встречаются, да и я с этой её вредной привычкой борюсь, воспитываю. Она бы и хотела быть доброй и не вредить никому, да, вот, не в состоянии. Наследственность заставляет. И стыдно ей, а измениться не может. А вы чего же сидите, голубчики? Теперь можете есть. После молока моей матери любой яд в лекарство обращается! Кушайте, ребята!

– Я есть не буду, – отозвался Квасур.

– Как хочешь, – пожал плечами Илей и умял обе порции супа.

– Ай, молодец! – обрадовалась Буря Яга. – Ты уж прости меня, ведьму. Я ведь и впрямь не злая...

– Ладно, забыли! – махнул рукой Илей. – Ты мне, мамаша, расскажи про ваше царство, пожалуйста.

– Это на доброе здоровье. Царство находится прямо в нутре Юши-Змея, Чёрного Змея, как у вас его ещё называют. На спине же Чёрного Змея земля стоит. Дрогнет Юша – и дрожит земля, чихнёт Юша – выйдут моря из берегов, сердится Юша – войне быть. Правит нашим царством сын его старший, Индрик-Змей. Злющий! Даже я его опасаюсь. Есть у Индрика жена – Змеевна и сын Волх. Волх тот супостат есть. Метит он на Индриков трон, на родителя умыш-

ляет. Оттого и выгнал его Индрик из дому. Есть у Индрика брат – Вий. Он при брате управителем. Все упыри и змеи ему подчиняются. Он их из глины лепит, и они ему послушны. А дочка Вия – Усоныша Виевна матушкой мне приходится.

– Ну, ребята, слышали, с кем мне жить приходится? Змеи да кровососы – тьфу! А главная из них змея – Усоныша эта, дочка Виева...

– Ну, тише ты! – прикрикнула Буря Яга. – Я тебе, безроговому, матушку забижать не позволю. Ты лучше об родственнице своей, Марене, гостям поведай. Тоже интересно! У Сварога-Бога три дочери есть. Леля – княжна любви, Жива – княжна жизни и Марена – княжна смерти. Полюбился красасавице Марене удалой наш Волх. Обратился он в волка серого и увёз княжну! Да, увезя, и оставил. Живёт она ныне в хоромах мраморных и удалых богатырей в своё логово заманивает. Закрутит, заморочит, заколдует – не выпустит!

– Тоже дрянь! – согласился Велес.

– Послушайте! Но люди, которые попадают сюда, что происходит с ними? – стал допытываться Илей.

– А... – протянула Буря Яга. – Так здесь всё просто. Есть три вида людей, которые к нам попадают. Первые – злодеи оконченные, упыри земные. Эти здесь упырями и становятся. Держат их на цепях, а при надобности спускают на супостатов. Целыми днями во мраке сидят, в сырости – бр-р-р! Ещё те, что в животных разных обращаются. Они в нашем царстве неприкосновенны. А раз в году, на Ивана Купалу, на ночь обретают они прежний вид свой, человеческий. А есть единицы, кои чисты и непорочны. Вот, их-то и пасёт Велес. Да Индрик-Змей больно охоч до таких. Всё норовит в своё логово их завлечь, дабы там они его развлекали. Понравилась ему одна девушка недавно. Подсылал он к ней своих змеев. Да Велес отогнал. Аурикою её звать.

– Аурика?! – вскрикнул Илей. – Я спасти её должен! Скажите, можно ли как-нибудь вернуть её к жизни? Есть ли такой способ?

– Ишь ты! Чего удумал! – проворчала Буря Яга.

– Способ есть, – кивнул Велес. – Но очень сложный. На Репейских Горах, на Ирии Светлом растёт яблоня волшебная. Если съест человек яблочко золотое – вовек бессмертен станет. Если дать его Аурике твоей – оживёт красна девица. Да только как добыть это яблочко? Репейские Горы в небесах. И доставить тебя до них может разве что птица Могол, тоже характером скверная. Да и запрещено там смертному срывать эти яблочки. Сварог прогневается...

– Я достану эти яблоки. Сам живой не буду, а достану, – решил Илей.

– Молодец! – улыбнулся Велес. – Ну, добры молодцы, перед дальней дорогой соснуть не худо. Да и я что-то устал... Полезайте-ка оба на полати, а с утреча я вас разбужу!

– Спасибо, – поблагодарил Илей и, пихнув Квасура в бок, полез на полати.

Места там оказалось довольно, чтобы разместиться двоим. Квасур сразу же заснул, а Илей долго прислушивался к доносившимся в избе звукам: Буря Яга собирала со стола и напевала что-то, покашливал Велес, вот, оба забрались на печь, захрапели. Выждав ещё немного, Илей потряс Квасура за плечо. Тот неохотно открыл глаза:

– Чего тебе?

– Слушай сюда, грамотей! Мне Аурику во что бы то ни стало выручать надо. Поэтому завтра чуть свет я отправлюсь искать птицу Могол и уже непременно её отыщу и упрошу отвезти меня к Ирию.

– Ну? – не понял Квасур.

– Ну! А твои-то каковы планы? Здесь останешься, али со мной пойдёшь?

– Я здесь не останусь! Ты что?! Да меня эта хромая ведьма за обедом умнёт – не подавится!

– Да чего в тебе уминать-то? Кожа, кости и очки – всё! Значит, со мной собираешься? Учти, дружок, путь предстоит неблизкий, тяжёлый и опасный! Лишняя обуза мне не к чему будет.

– Я с тобой пойду. Глядишь, и я на что сгожусь?

– Ага... Сгодишься! Ладно, шут с тобой, возьму тебя с собой! – махнул рукой Илей, поворачиваясь на бок.

– Спокойной ночи! – шепнул Квасур.

– Угу... – промычал Илей.

Глава 3

На рассвете Велес разбудил гостей, как и обещал.

– Супруга моя в лес укатила. Так что собирайтесь живенько. Я вас доведу до речки Смо-
родины, пересекающей наше царство, по ней и поплывёте. Я вам кое-что с собой собрал. Кув-
шин молока моей матушки. Делайте по глотку перед каждой трапезой и живы будете. По кра-
юхе хлеба вам. И ещё Буря Яга велела тебе, Илей, передать от себя подарок – золотое блюдечко
с серебряным яблочком. Загадай, кого увидеть хочешь, яблочко по блюдечку покатится, и блю-
дечко всё покажет! Всё это я сложил в мешок. Держите! – Велес протянул Илею небольшой
мешок. – Ну, соколики, идёте!

Они вышли из дому и стали продираться сквозь лесную чащу.

– Запомните, – говорил Велес. – Могол – птица своенравная. От ней всего ждать можно...
Любой гадости! Уж и не знаю, как сговоритесь с ней. Пастись в нашем царстве надобно всего.
Змеиное логово! А пуще – Усоныши Виевны. Отвратная бабища! И не попадайте в преиспод-
нюю Виеву. Оттуда живыми вернуться вельми трудно. Ибо там Вий и вся рать его упыриная.
Спасение одно – не глядите на Вия. Коли на него сами не взглянете, то и он не увидит вас. А
посмотревшему – смерть! В лесу нашем зверья не обижайте, ибо это есть люди. А, кто обидит
зверя, тот проклят будет. Коли доберётесь всё ж до Ирия, то передайте там всем привет от
меня и низкий поклон матушке моей Короле Земун!

Наконец, они добрались до реки, извивающейся чёрною лентой, изредка вспыхивающей
огнём, зажатой в тисках крутых, обрывистых берегов, поросших мхом, изборождённых коря-
гами. Почти кубарем скатившись к воде, путники оказались перед маленьким судёнышком с
вёслами, качающимся у берега.

– На нём и поплывёте! – указал Велес.

– А оно не перевернётся? – опасно спросил Квасур.

– Всяко бывает! – пожал плечами Велес.

– Так ведь вода холодная! А я плавать не умею!

– В таком разе, оставайся здесь! А я один поеду! – предложил Илей.

– Нет-нет! Я что? Я же согласен! Плыть – так плыть!

– Садитесь в ладью, я вас оттолкну от берега! – велел Велес.

В этот момент река снова полыхнула огнём. Квасур вздрогнул:

– А мы в ней не изжаримся?

– Этот огонь неопасен. Он блестит да не жарит, ибо холоден, как и всё мёртвое... Садитесь вам говорят!

Илей и Квасур послушно влезли в ладью. Велес оттолкнул её от берега и помахал рукой.
Течение подхватило судёнышко и довольно быстро понесло его вниз.

– Слушай, Илей, я есть хочу! – сказал Квасур, съевший свою краюху хлеба сразу, как
получил её от Велеса.

– И что?

– Надо подкрепиться!

– Потерпишь!

– Да? Сам-то ты вчера две порции супа умял!

– А кто тебе мешал? Сам же отказался. Остался бы там – сейчас бы тебя Буря Яга зав-
траком попотчевала.

– Или мною бы позавтракала...

Подул ветер, и Илею пришлось налечь на вёсла, чтобы лодку не понесло в обратном
направлении.

– Слушай, Илей, у меня от этой качки голова болит. Может, сделаем остановку? – заныл Квасур.

– Остановку мы сделаем вечером. Тогда и поужинаем.

– До вечера ещё долго!

– Что дальше?

– Давай хоть молока выпьем?

– У нас его мало, и оно нужно нам как противоядие, а не для того чтобы брюхи наполнять!

– Илей...

– Прекрати скулить! Или сейчас сам грести будешь! И зачем я только согласился тащить тебя с собой?!

Когда небо, бывшее в этих местах какого-то лилового цвета, стало темнеть, Илей причалил к берегу и, хорошенько привязав ладью, огляделся. Тёмной стеной обступал их со всех сторон лес.

– Так-с... – протянул Илей. – Я сейчас схожу принесу дров и буду разводить костёр. А ты постарайся найти чего-нибудь съестное!

– Хорошо, – понуро кивнул Квасур.

– И не уходи далеко! Заблудишься чего доброго!

– Ладно!

Илей шагнул в чащобу. Кореньев и сучьев было в лесу предостаточно, и он довольно быстро набрал целую охапку хвороста. Он уже собирался идти назад, как вдруг услышал странные звуки, похожие на плач младенца. Илей стал прислушиваться. Звуки были тихими, но раздавались совсем рядом. Очень скоро Илей понял, что они доносятся из-под корней старого дерева. Наклонившись туда, он разглядел в темноте крошечного серого птенца с длинным, хотя ещё совсем жёлтым, клювом. Птенец жалобно кричал.

– Ишь ты! – присвистнул Илей. – Ты что ли потерялся? Где же мамка твоя? А ну-ка, иди сюда. Шас я тебя согрею, хлебом угощу, – сунув птенца за пазуху и закинув хворост за спину, он пошёл обратно, к тому месту, где оставил Квасура.

Последнего он застал, мирно спящим на земле с блаженной улыбкой на лице. Дурное подозрение шевельнулось в душе Илея. Он развязал мешок Велеса, открыл кувшин... Кувшин оказался пуст. Стиснув зубы, Илей подошёл к Квасуру и со всей силой отходил его по спине. Квасур вскочил на ноги:

– Ты что делаешь?! Мне ж больно!

– Больно? А ты подумал, куриная твоя голова, что мы будем есть завтра?! Может, мы эту птицу будем искать неделю! Что ты намериваешься есть, а?! Любая снедь в этом лесу ядовита! А ты вылакал всё противоядие! У тебя голова есть?!

– Ну, не кричи! – всхлипнул Квасур. – Но я просто сошёл с ума от голода. Я развязал мешок и... и... Ну, я не смог удержаться!

– Перестань реветь! Ну, хорошо! Я и без еды проживу несколько дней – мне не привыкать. А ты теперь как?

– Я что-нибудь придумаю! Прости меня, Илей!

– Учти: искать пропитания тебе я не буду – это первое. А второе – завтра на вёсла сядешь ты! И попробуй что-нибудь возразить! Человек я не злой, но всякому терпению приходит конец. Утоплю!

– Ты этого не сделаешь, Илей!

– Сделаю! Эх, надо было оставить тебя Яге на обед! Скольких бы забот я избежал! – с этими словами Илей отошёл в сторону и стал разводить костёр.

Огонь полыхнул светло и жарко. Илей уселся возле него и достал свою краюху хлеба. Отломив от неё кусочек, он бросил его в разинутый клюв птенца, который проглотил угощение и, сразу же перестав орать, задремал. Оставшийся хлеб Илей разломил на две части. Один

кусок спрятал за пазуху, а второй съел, стараясь сделать это как можно медленнее, стараясь создать иллюзию, что хлеба больше, чем есть на самом деле. Набрав в пустой кувшин речной воды, он сделал несколько глотков и лёг было спать, но прежде решил рассмотреть подарок Бури Яги – золотое блюдечко с серебряным яблочком.

– Покажи-ка мне блюдечко золотое, Аурику! – сказал Илей.

Серебряное яблочко несколько раз описало круг, и на блюде возникла знакомая поляна с танцующими людьми. Впереди всех, прямо перед играющей на свирели Котошихой, танцевала Аурика. Илей залюбовался ею и, подумав, велел:

– А теперь, блюдечко, покажи-ка мне птицу Могол!

И снова описало несколько кругов яблочко, и Илей увидел парящую в чёрном небе огромную серую птицу с длинным-длинным клювом. Птица металась по небу, крича что-то. Казалось, что она ищет какую-то потерю...

Ещё раз поглядев на Аурику, Илей убрал волшебное блюдечко и, стараясь забыть о голоде, улёгся спать...

Глава 4

Утром путники снова поплыли вниз по реке. Квасур, тщедушный и щуплый, обливаясь потом, налегал на вёсла, но они его не слушались, и лодка шла еле-еле. Илей мрачно разглядывал своего спутника.

– Ну, что ты делаешь, а? – наконец, не выдержал он. – Ну, кто так гребёт? О-хо-хо! Ну, скажи мне, грамотей, какой от тебя прок, а? Грамоте обучен менее меня, хотя я школу забросил сразу, как отец помер. Делать не умеешь ничего. За что не возьмёшься, напортишь только. Вред один от тебя и ничего больше! Слезай с вёсел, а то чего доброго ещё лодку перевернёшь!

Квасур послушно уступил ему место. Они проплывали мимо высокой сосны, по которой скакали большие, пушистые белки.

– Слушай, Илей, может, нам охотой заняться? – осторожно спросил Квасур.

– А ты забыл, что Велес сказал? Это – не простые звери! Может, это даже твои родичи, в бозе почившие да здесь в зверей обращённые!

– У меня и родичей-то нет...

– Тем более. Ей, белочки! – крикнул Илей. – Доброго вам здоровья!

– И тебе, добрый молодец, так же! – откликнулась самая крупная и рыжая белка с огромным хвостом.

– Прости, белочка, но голос твой мне знакомым кажется!

– Не мудрено то, сынок! Я ведь назад тому пять лет на базаре фруктами торговала. А ты у меня мандарин украл!

– Прости, тётька! Подружка у меня болела, для неё украл!

– А попросить нельзя было?

– А ты бы дала?

– Может, и дала б... Ты куда ж теперь путь-то держишь, а, молодец?

– А я, тётька, ищу птицу Могол. Дело у меня до неё срочное! Не знаешь ли, где найти её?

– Знаю. Да только напрасно ищешь. У неё беда нынче! Не до тебя ей.

– Что за беда?

– Птенец у ней пропал! Единственный ребёнок. Два дня уж она его ищет.

Илей потёр лоб. Его вдруг осенила догадка, и он извлёк из-за пазухи подобранного накануне птенца.

– Не этого ль желторотого она ищет?

Белка спустилась ниже, пригляделась.

– Он! – заключила она.

– Ну, в таком разе, тётька, донеси его матери, что он у нас. Я его вчера в лесу нашёл, напоил и накормил. А ей отдам только при условии, что и она просьбу мою выполнит. Просьба моя невелика и сильно её не затруднит. Так ей всё и передай! Мы вниз по реке следуем, так что она нас легко найдёт.

– Я к ней сороку пошлю, – решила белка. – Сорока у нас все вести разносит!

– Спасибо, тётька! И за мандарин – не серчай!

– Да ладно! Удачи тебе, добрый молодец! – и все белки дружно замахали лапками вслед удаляющейся лодке.

– Ну, вот, – заметил Илей. – Теперь-то уж мы с этой пташкой не разминёмся! Думаю, долго ждать себя она не заставит!

Ждать долго, действительно, не пришлось. Огромной чёрной глыбой птица Могол свалилась в ладью, которая закачалась и чуть не перевернулась. Птица раскрыла огромный клюв и завопила страшным голосом:

– Мне сорока на хвосте весточку притащила, что у вас сынок мой родной! Так ли?

– Так, – кивнул Илей. – Я нашёл его в лесу. Что ж ты, мамаша, за ребёнком-то так худо следишь? Ведь он мог с голодухи окочуриться.

– А ты меня не учи! – рассердилась птица. – Ишь ты какой советчик выискался! Подавай сюда моего птенчика!

– Я, мамаша, извиняюсь, конечно. Но я ему за день пол буханки своего хлеба скормил. Так что ты на меня клюва-то не раскрывай...

– Ну, прости меня, дуру! Издёргалась я! Я ж для тебя всё! Только верни...

– Вот, это другой разговор, – одобрил Илей. – Мне ведь, мамаша, помощь твоя нужна. Для того и искал!

– Всё что угодно!

– Свези нас к Ирию!

– Куда?.. – слегка опешила Могол.

– К Ирию. У нас там дело неотложное.

– Ишь ты! – покачала головой птица Могол. – К Ирию... Ну, что ж поделать! Отвезу! Но прежде – отдай мне моего сына.

– Обещаешь?

– Клянусь своими перьями!

Илей расстегнул рубаху, извлёк птенца и протянул его матери. При виде её он радостно завопил, широко раскрывая длинный клюв. Птенец был точной копией своей матери, и Илей даже отругал себя, что не понял этого сразу. Между тем Могол велела:

– Полезайте на спину ко мне оба и держитесь крепче, а то как бы мне вас не уронить!

Илей проворно взобрался на широкую спину птицы и втащил за собой Квасура, вцепившегося в него мёртвой хваткой. Птенца Могол разместила в собственном огромном клюве, который был больше её самой. Вслед затем она взмахнула крыльями и поднялась в лиловое небо. Долетев до его сводов, она стала подниматься выше, и вскоре мёртвое царство оказалось позади, а птица Могол парила уже в каких-то иных, неведомых сферах. Они пролетали небо за небом, поднимаясь всё выше и выше, покуда не достигли наконец седьмого неба. Летела Могол аккуратно, боясь, видимо, выронить любимого птенца, однако Квасур сделался смертельно бледен и сходил с ума от страха. Илей показал ему свой крепкий кулак и прошипел:

– Ещё раз заорёшь – прибую. У меня рука тяжёлая!

– Понял, – выдохнул Квасур, зажмурив глаза.

Илею же этот полёт доставлял огромное удовольствие. Он с жадным любопытством разглядывал всё окружающее: пенные облака вокруг и заливные луга внизу, и стайки птиц, пролетающие мимо. Путешествие, не столь уж короткое показалось Илею мимолётным. И он даже огорчился немного, когда впереди замаячили Рипейские Горы. Могол устремила к самой высокой горе, у которой встретили гостей две птицы с собачьими головами – Грифоны, рыжий и белый. Могол опустилась рядом с ними и сложила свои огромные крылья так, что скрыла ими Квасура и Илея. Выпустив птенца из клюва, она оборотилась к Грифонам.

– Тебе чего здесь надобно? – спросил белый Грифон. – Нечего тебе, воровке, делать в священном месте!

– У вас, собачьи ваши головы, спроситься забылась! Я сюда от Велеса прилетела с приветом к матушке его, Корове Земун! И советую вам меня пропустить!

Грифоны переглянулись.

– А пуцай себе летит! – решил рыжий. – Ещё что сворует, её Парог наш огнём испепелит...

- А ты меня не пугай! – буркнула Могол. – Огнём! Только это и знаете!
- Ой, лети, лети! Нечего орать тут!

Могол поднял своего птенца и влетела в Священное Царство Ирия. Прямо через всё царство протекала молочная река, повсюду росли невиданные цветы и деревья. На деревьях висели спелые плоды: лимоны и персики, абрикосы и ананасы... Цветы издавали дивное благоухание, приятно щекотавшее ноздри. Вокруг них парили огромные, разноцветные бабочки. А в зелёных кустах неземными голосами пели птицы... Возле реки, на лугу лежала и щипала сочную зелёную траву большая белая корова.

– Это – Земун! – сказала Могол. – Дальше, ребятки, я вас не повезу. Делайте, что собирались, да я вас обратно доставлю! И всё – мы в расчёте!

- Спасибо, мамаша! – поблагодарил Илей. – Мы скоро!

Завидев гостей, корова повернула к ним большую красивую голову:

– Здравствуйте, гости дорогие! – сказала она низким приятным голом. – С чем пожаловали?

- Привезли мы тебе земной поклон от сына твоего, Велеса! – сказал Илей.

- Что ж сам-то он мать не навестит? Я бы ему молочка дала... – вздохнула корова.

- А ты дай нам – мы отвезём! – предложил Квасур.

- Ишь ты прыткой какой! Вы бы уже лучше сразу говорили, по что ко мне явились?

– Нам, матушка, в райский сад надобно! – ответил Илей. – Быть может, ты могла бы провести нас туда?

– Чего ещё не хватало! Я вашей нужды не знаю и помогать вам не стану. Тем более, лишние движения мне вредны. Молочко от них горчить начинает. Так что ступайте, добрые люди, по добру, по здорову!

- Ну, молочка-то хоть можно попить? – взмолился Квасур.

– Пейте! До него я не жадная... – промычала корова и, похлопав длинными ресницами, прикрыла свои бирюзовые глаза.

Квасур жадно начал по-собачьи хлебать молоко из реки. Илей сперва набрал большую флягу, затем хлебнул несколько раз из пригоршни.

– Вот что, Квасур, – начал он, – я сейчас в райский сад пойду, а ты тут меня ждать останешься.

- Это почему? – обернулся Квасур.

– А потому, что я иду дело делать, а ты у меня под ногами путаться будешь, а в итоге – пропадём оба. Поэтому сиди здесь, а я пошёл, – с этими словами он двинулся на Восток, где расположен был райский сад Ирия...

Глава 5

Идя по ухоженным, посыпанным песочком тропинкам, Илей насвистывал свою любимую песенку и раздумывал о предстоящем предприятии. Незаметно для себя он начал разговаривать сам с собой.

– Конечно, золотого яблочка мне никто не даст. Но не зря же я на наших базарах всю жизнь еду воровал у торговков-толстух... Опыт у меня изрядный в этом дурном деле. Стало быть, что сложного? Украду я это яблочко – и делов-то! Ну да, воровать в саду богов – великий грех. И с моей стороны это скверно будет. Но ведь я же не для себя! И что им, жалко, что ли? У них – целая яблоня огромная, а мне одно только яблочко с неё нужно! Что ж делать, если иным способом не достать его?

С такими размышлениями он подошёл к огромным золотым воротам. Это был вход в райский сад... На воротах сидели две птицы с женскими головами. Заметив Илея, они в один голос, сонно изрекли:

– Посторонним вход на территорию райского сада, насаженного Великим Родом, запрещён!

Илей отошёл в сторону и, недолго думая, стал двигаться вдоль забора. В одном месте он было попытался перелезть через ограждение, но едва он коснулся золотого забора, как разом заголосили все райские птицы. Заткнув уши, чтобы не впасть в беспамятство от этого хора, Илей нырнул в кусты. Мимо пронеслась стая разноцветных птиц. Подождав немного, Илей отважился разомкнуть уши. Песня птиц умолкла, и вокруг воцарилась прежняя тишина. Илей вновь осторожно пошёл вдоль ограды, напряжённо оглядываясь кругом. Через некоторое время он набрёл на дерево с длинными ветвями, увитое толстыми лианами. Поплевав на руки, Илей с ловкостью белки взобрался на него и вытащив небольшой, но острый ножик отрезал несколько лиан. Две он намотал на пояс, а на конце третьей сделал петлю и ловко набросил её на ветку дерева, растущего за оградой сада. Другой конец лианы Илей крепко привязал к толстому стволу. Таким образом, через золотой забор оказалась переброшена тугая верёвка, по которой двинулся Илей. Такие проделки уже доводилось ему творить, убегая от стражников. Тогда он прыгал с крыши на крышу, скользил по бельевым верёвкам – и всегда уходил от погони! Вот и теперь он шёл по лиане осторожно, расставив руки, стараясь не смотреть вниз и с ужасом думая о том, что сейчас вновь раздастся хор райских птиц, и тогда ничто уже не спасёт его... Но ничего подобного не произошло, и бесстрашный канатоходец благополучно достиг райского дерева и спустился с него на землю райского сада!

В райском саду росли большие пышные деревья, ровесники мира. Многие из них бурно цвели, и цветы лилий и кувшинок украшали клёны, а на соснах вместо шишек висели большие спелые мандарины. Илей невольно залюбовался этой красотой. Огромная яблоня росла на возвышении, а вокруг неё звенели ручьи. «Так-так... – подумал Илей, – интересно, что будет, если сорвать яблочко? Опять слетятся птицы? Ну, что ж, риск – дело благородное! Вперёд!» Он проворно вскарабкался по склону и, протянув руку, сорвал крупное золотое яблоко, висевшее ниже других. Как ни странно, птицы не подняли на этот раз гомона, ничто не дрогнуло в воздухе сада, ни один листик не шелохнулся. Илей быстро отбежал от яблони и вдруг услышал громкий окрик:

– Стой! – с другого конца сада к Илею бежала молодая девушка с огненно-рыжими волосами.

Илей бросился наутёк, но его преследовательница оказалась на редкость ловкой и быстрой. Она неумолимо настигала его, когда он споткнулся обо что-то и упал, девушка, наконец, поравнялась с ним и, наклонившись, спросила:

– Не расшибся, соколик?
– Ничего... – промычал Илей. – Никогда меня ещё девчонка не догоняла...
– А я всегда очень быстрой была! Ты зачем украл золотое яблоко? Или не знаешь, какая кара ждёт тебя за это?
– Знаю. Но мне очень нужно было.
– Ха! Очень нужно было! Для чего, можно узнать?
– Подруга моя, Аурика, в подземном царстве томится. Индрик-змея за нею увивается. Мне спасти её надо, потому что люблю я её!

– Любовь, значит... – сразу как-то посветлела рыжая. – Тебя как зовут, воришка?
– Илеем.
– А я Леля Прекрасная! Что ж делать мне с тобой, Илей? Должно бы мне было, как примерной дочери, отдать тебя отцу моему Сварогу. Но я всегда покровительствовала влюблённым! И предать любви не могу. Я прощу тебя и не выдам, и даже дам ещё одно яблочко, чтобы съел ты его вместе с возлюбленной. Но и ты окажи мне услугу! Каждый год на Ирии праздник. И на празднике том соревнуются мои братья и дядя в доблести. Вот, сегодня, например, из луков стреляют. Я бы тоже хотела участвовать, но женщине это не разрешается, если только она не найдёт кого-нибудь, кто бы представлял её на этом состязании. Ну, а где б я нашла? Всё кругом родичи! Все сами участвуют! Ну, что, Илейка, отстреляешься за меня, а?

– Я стреляю не очень метко... Да и не приходилось мне стрелять-то особенно. Только из рогатки...

– Так и мне не приходилось! Главное – участие! Идём! А я тебе ещё одно яблочко сорву!

Леля сдержала слово и подарила Илею ещё одно золотое яблочко. Вслед затем она повела его по мраморной лестнице куда-то ввысь. Они поднимали выше и выше, покуда не достигли, наконец, огромного белого облака, на котором расположились лучники, стрелявшие по звёздам, и зрители поединка.

– Гляди, – зашептала Леля Илею. – Лучники – это братья мои, Перун-Громовержец, Семаргл Огненный и Стрибог-Ураган. Судьёю на поединке мой брат Хорс, повелитель солнца! Он никогда не участвует в поединке, потому что никогда не даёт промаха. Победителю он подарит свои солнечные стрелы. На возвышении восседают батюшка мой Сварог и матушка Лада. Рядом с ними – сестра моя Жива, а поодаль старуха Макошь Вещая и помощницы её, расплетающие её клубок, Доля и Недоля. С ними я тебя познакомлю. Они судьбу предсказывают. А теперь идём! Представлю я тебя братцу Хорсу.

Хорс стоял на самом краю облака, сложив руки на груди. Он был очень похож на Лелю: так же светилось лицо и так же пылали его густые рыжие волосы. Подскочив к нему, Леля зашептала:

– Ну, вот, милый братец, нашла я себе заступника! Это – Илей, гость мой. Он будет представлять меня на состязании!

– И когда ты успокоишься, Леля? – вздохнул Хорс, поглаживая рыжую бороду. – Замуж тебя отдать надо. Я уж давно отцу говорил.

– Да я бы рада только! Да за кого ж идти? Все мы кругом родичи! Так допускаешь ты, братец, гостя моего до поединка?

Хорс смерил Илея насмешливым взглядом.

– Что ж, пусть рискнёт! Возьми вон стрелы, для Ярилы приготовленные. Его нынче нет. Так что пользуйся... смельчак! Коли выбьешь тремя стрелами подряд три звезды в небе – получишь награду.

– Так, вот, отчего звёзды с небес порой сыплются! – улыбнулся Илей, беря лук и стрелы. – Стало быть, то могучие боги стреляют по ним!

Лучники смерили маленького новичка удивлённым взглядом и переглянулись с усмешкою. Леля, стоявшая рядом с Хорсом, дрожала от нетерпения, потирая нежные свои руки. Пер-

вым стрелял Громовержец-Перун. Огромного роста, облаченный в чёрный плащ, он покрутил длинный смоляной ус и, прицелившись, выпустил три скорые, похожие на молнии, стрелы. Лишь одна Перунова стрела попала в цель, остальные две, будучи слишком скорыми, пролетели мимо и исчезли где-то далеко.

– Силы в тебе, братец мой, немеренно, – заметил Хорс. – С такою силой хорошо мечом рубить да булавой. А лук и стрелы нежности требуют. Нельзя ни перетянуть тетивы, ни ослабить её...

Следом стрелял Семаргл. Облаченный в золочёные латы, златоволосый и красивый, он взял свой лук осторожно и наладил стрелу с редкою аккуратностью. Он стрелял три раза, но ни одна стрела не долетела до цели из-за недостатка скорости.

– Слишком слабо натягивал ты тетиву! – сказал Хорс огорчённому брату. – Тетива лука не струна лиры. Тяни её сильнее!

Третьим стреляя Стрибог. Выстрелил он первый раз, и стрела точно угодила в одну из звёзд. Выстрелил во второй раз – и вторая звезда слетела с небес на землю. А на третий раз переломился лук пополам, и упала стрела вниз, не спущенная. Стрибог топнул со злостью ногой и отошёл прочь.

И, вот, настала очередь Илея. Ярилин лук оказался очень тяжёлым и большим, однако, Илею удалось совладать с ним. Наладил он первую стрелу и плавно спустил тетиву. Засвистела стрела и угодила в ближайшую звёздочку. Радостный вскрик Лели раздался при этом. И вторую стрелу приладил Илей, думая: «Совсем это не тяжелее, чем из рогатки...». И вторая стрела не дала промаха. И чернее тучи стал тогда Перун, и побледнело лицо Стрибогово. И в третий раз стрелял Илей, и боги замерли, следя за полётом стрелы, и охнули, когда и она достигла цели. Леля радостно засмеялась и кинулась на шею Илею:

– Молодец, Илейка, молодец! Отстоял честь мою! Братец Хорс! Где твои стрелы солнечные? Неси же их скорее победителю!

– Эх, была не была! – махнул рукой Хорс и, сняв с плеча свой колчан, протянул его Илею, говоря: – Ты замечательный стрелок и награды заслужил. И, хоть и жаль мне вручать мои стрелы смертному человеку, а не родичам, но правда требует того. Бери стрелы мои – они теперь твои по праву. Их три в этом колчане. Береги их, потому что они всегда попадают в цель, если цель эта – зло! Ну, а, коли злодей выстрелит ими, то против него и оборотятся.

Илей с благодарностью принял стрелы, и Леля тотчас увлекла его к возвышению, на котором восседала седая и древняя Макошь. Облаченная во всё белая старуха смотрела перед собой невидящим взглядом, а её худые морщинистые руки пряли пряжу, нитки, скрученные ею, опускались к помощницам Макоши Доле и Недоле, которые перепутывали множество ниток между собой, завязывая на них причудливые узелки.

– Макошь слепа. Их хаоса пряжи её руки создают изначально совершенно одинаковые нити – людские жизни, но Доля и Недоля перепутывают их, завязывают свои узелки печали и радости, счастья и несчастья. В силу слепоты Макошь не может изменить ничего в том, что сплели её помощницы, и никто не может распутать их узелков. Завяжет узелок Доля – будет доля человеку, завяжет Недоля – недоля и будет ему, – поясняла Леля. – Но, если поставить пред Макошью человека, то она, не видя лица его, зрит его судьбу. Потому и зовётся она Вещею.

Подведя Илея к Макоши, Леля произнесла громко:

– Здравствуй, тётушка Макошь Вещая! Погляди, кого привела я тебе и скажи судьбу его!

– Здравствуйте, милые, – старуха подняла тусклые бесцветные свои глаза. – Запутана судьба твоя, витязь мой, Долею и Недолей, много в ней будет и той и другой. Берегись, витязь, скоро ждёт тебя беда неминуемая! Но, коли спасёшься её, так будет тебе счастье великое, и другим многим вместе с тобой!

А Доля и Недоля продолжали запутывать старухины нити в единый клубок, посмеиваясь и иногда споря друг с другом.

Леля повернулась к Илею:

– Я хотела бы, чтобы ты вкусил трапезу с нами!

– Милая Леля! Я был бы счастлив, но я очень спешу. Кто знает, может, именно сейчас лютый Индрик-зверь умыслил что-то против моей Аурики! Я должен спасти её!

– Понимаю, – вздохнула Леля. – А мне будет не хватать тебя. С тобой мне было весело и беззаботно. Я даже немного завидую твоей Аурике! Видишь, и богини не могут устроить своего счастья... Но знай, я всегда буду помнить о тебе и помогать тебе, чем смогу!

– Спасибо, Леля! Я тоже никогда не забуду тебя!

К ним подошёл русоволосый и румяный Дажьбог. Хлопнув Илея по плечу, он произнёс:

– Молодец дружок! Я восхищён! Я только что с поля явился, и не видел всего, но Жива мне всё рассказала. Вот что, ты не можешь уйти отсюда, не выпив с нами Сурицы. Хорс уже наполняет кубки. Идём, а потом мы с Лелей проводим тебя!

Удивительно и немного страшно было Илею сидеть за столом с богами. Хорс собственноручно наполнил большие золотые кубки густым, как кисель, солнечным напитком, и подал их каждому. Отхлебнув этого сладкого питья, Илей почувствовал, как тепло разлилось по всему его телу, хмель ударил в голову, и на мгновение перед глазами всё закружилось в странном хороводе, а боги запели свой громогласный гимн, слов которого Илей не разобрал. Ему показалось, что он оступился и летит теперь с облака вниз, вниз...

Глава 6

Илей очнулся уже за пределами райского сада и обнаружил, что лежит на берегу молочной реки. Рядом с ним лежал колчан со стрелами Хорса и котомка с золотыми яблоками. Выпив пригоршню молока, Илей отправился вверх по реке и уже вскоре набрёл на мирно дремавшую корову Земун. Рядом с ней сопел Квасур, причмокивая во сне губами. Илей растолкал его и скомандовал:

– Идём! Нас наверняка заждалась птица Могол!

– Ты достал яблоко? – спросил Квасур.

– И даже два. Мне повезло.

– Дашь мне одно?

– С какой, скажи на милость, радости?

– Это же яблоко бессмертия!

– И что? Ты ж не Кощей, чтобы бессмертным быть и, сколь могу видеть, не мертвец, чтобы тебя надо было оживлять.

– Жлобствуешь, значит?! – в глазах Квасура промелькнула злоба.

– Нет, рассуждаю логически. Вот что, если тебе нужно яблоко, ступай и сорви его себе сам! Только учти: я тебя ждать не буду, мне каждая секунда ныне дорога.

– Я тебе это ещё припомню, – прошипел Квасур.

– Сделай одолжение. А теперь идём!

Птица Могол встретила их неласково.

– Долго гулять изволите, ребятки! Я вас здесь ждать сто лет не нанималась!

– Прости, мамаша! Но скорее никак нельзя было! – ответил Илей.

– Нельзя было! Ишь ты! Ну, чего встали-то столбами? Садитесь! Полетели!

И вновь парили они в небесной выси, минув одно небо за другим: белое, розовое, сиреневое, лиловое, жёлтое, оранжевое, синее... Вдруг птица Могол круто перевернулась в воздухе и скинула своих пассажиров со спины.

– Никто не смеет использовать птицу Могол! – прогрехотала она вслед. – А кто попробует, тому худо будет!

В этот момент птенец выскочил из её клюва, и она с воплем камнем полетела вниз, пытаясь поймать любимое чадо.

– Ух, подлая! – падая, выкрикнул Илей.

Они с Квасуром угодили прямиком в глубокий колодец. На дне его располагалось каменное подземелье, увитое паутиной. Из стен торчали железные крюки и оборванные цепи. В воздухе стояла сырость, тянуло тлением и плесенью.

– Вот, проклятая птица! – рассердился Илей, потирая разбитое колено. – Предупреждала меня белка, что нельзя с этою тварью дела иметь.

– Что ж нам делать-то теперь? Погибли мы! – заскулил Квасур.

– Не скули ты! Выкарабкаемся, – отозвался Илей. – Это мы, кажись, на нижнем уровне подземного царства, в преисподней, в Пекле, о котором предупреждал нас Велес. Куда нас птичка зашвырнула! Ну, я и сам балда. Мог бы предугадать такой поворот. Слушай, Квасур, видишь ты эти ходы, что идут от каземата?

– Вижу.

Илей отвязал от пояса самую длинную лиану и протянул один конец Квасуру:

– Привяжи его к своей руке. Я возьмусь за другой конец и пойду осмотрю их. Если что, дёрни три раза верёвку, и я приду. Только, большая просьба, не дёргай по пустякам!

– Я не хочу здесь один оставаться! – испугался Квасур. – Я с тобой пойду!

– Ага, и заблудимся оба!

– В таком случае, лучше ты останься здесь, а я пойду!

– Я не против. Тем более, что у меня разбита нога. Иди. Только учти: если встретится тебе какой-нибудь упырь, главное не гляди на него. Отвернись, зажмурься, но не смотри! Если не будешь смотреть сам, то и они тебя не увидят.

– Понял – не дурак!

– Надеюсь... Иди!

Илей опустился на каменный пол и, подобрав камень, приложил его к пылающему колену. Холод немного притупил боль, и Илей стал ждать возвращения Квасура. Чтобы скоротать ожидание, он достал золотое блюдо, подаренное Бурей Ягой и стал любоваться на танцующую Аурику...

Квасур, лишь немного отползши прочь от друга, обозлился на Илея.

– Этот базарный воришка помыкает мной! Мной, Квасуром-Грамотеем! Ну, и отомщу же я ему за моё унижение и обиду! Пусть сгниёт в этом каменном мешке, а я выберусь без него! Жаль только яблоки у него остались! Ну, что пропало, того не вернуть! Пусть пропадает с ними! – так подумал злопамятливый и мстительный Квасур.

Он отвязал лиану и, бросив её на землю, отправился вперёд по извилистому лабиринту. Первое время он шёл, упиваясь своей мстостью, и это упоение придавало ему сил, но вскоре Квасур ощутил страх. Он понял, что забрёл в совсем незнакомую пещеру, из которой не было никакого выхода, кроме пути назад. Тупик.

– Эй! Кто-нибудь! – слабо крикнул Квасур. – Илей!

На этот окрик отозвалось лишь эхо. Где-то рядом послышались гулкие шаги и неприятный скрежет. Квасур в ужасе зажмурился.

– Не буду смотреть! Не буду! – зашептал он.

Чьи-то мохнатые лапы стали касаться его плеч, чьё-то холодное дыхание леденило лицо. Отовсюду раздавалось злобное хихиканье. Кто-то схватил Квасура за нос, и тот от неожиданности открыл глаза. Сплошной стайей его окружили обитатели пекельного царства: упыри и вурдалаки. Они шевелили длинными волосатыми ушами, морщили длинные носы, щёлкали острыми зубами. Их тела были покрыты волчьей шерстью, а поверх на них надеты были отрепья, на некоторых болтались обрывки цепей. Чудовища махали хвостами и топали ногами, похожими больше на лапы зверя. Глаза их горели нехорошим блеском. Они водили вокруг Квасура хоровод, постепенно сужая его кольцо. Причмокивая губами и мерзко хохоча, они тянули к жертве свои длинные руки-лапы с острыми когтями. Несколько упырей закружили Квасура волчком под радостный вой остальных.

– Отпустите меня! Отпустите! – взмолился Квасур, но стая уже сдавливала его в своих тисках.

– На помощь!!! – раздался последний отчаянный вопль.

Этот жуткий крик эхом пронёсся под сводами пекельного лабиринта и достиг слуха Илея, заставив его вздрогнуть. Илей потянул лиану и обнаружил, что другой её конец был отвязан.

– Эх, Квасур, Квасур! – почти взвыл Илей, ударяя кулаком в стену. – Как теперь выручать тебя?!

Привязав лиану опять к поясу, Илей подобрал всю свою кладь и бегом побежал в ту сторону, где ещё надрывно кричало эхо. Он бежал, стиснув зубы от боли и сильно припадая на разбитую ногу, торопясь и надеясь, что Квасура ещё можно спасти. Внезапно путь ему преградило огромное чудовище, с опущенными до земли веками, окружённое мелкими тощими упырями. «Вий!» – в ужасе подумал Илей и, свернув в первый попавшийся ход, бросился наутёк. Но было поздно. Вий заметил его и велел своим прислужникам:

– Догнать супостата!!!

Упыри с визгом помчались за беглецом. Они быстро настигали хромого и усталого Илея. Он понял, что на этот раз сбежать ему не удастся и приготовился дать нечисти бой. В колчане у Илея лежали три стрелы Хорса, одну из них он приладил на бегу и, обернувшись, выстрелил в ревущую за спиной стаю:

– Получайте, кровососы поганые!

В ужасе отхлынули вурдолаки в тёмные углы своего подземелья и замертво попадали там, не вынеся солнечного света хорсовых стрел, испепелённые им, обращённые в прах...

Илей облегчённо утёр со лба пот. Он хлебнул из фляги молока коровы Земун, а когда убирал флягу назад в котомку, обронил серебряное яблоко Бури Яги. Яблоко закружилось волчком и резво покатилося по лабиринту. Илей последовал за ним, думая: «Может, это яблочко ещё и дорогу показывать умеет? Ну-ка, веди-ка меня, милое, прочь из этого царства кровососов!»

И катилось яблочко по лабиринту, кружа Илея между окаменевших деревьев и навеки застывших фигур. Наконец, откуда-то сверху полился свет. Свет этот сочился сквозь паутину, которой было затянуто небольшое отверстие в своде лабиринта. Это спасительный выход был, однако, очень высоко и совершенно не за что было зацепиться, чтобы добраться до него.

– Эх, была не была! – махнул рукой Илей. – Использую вторую хорсову стрелу!

К стреле он привязал лиану и выпустил её вверх, в отверстие. Стрела вонзилась во что-то, и лиана оказалась спущенной вниз, к Илею. Закинув котомку за спину, Илей поплевал на руки и пополз вверх по канату.

Выбравшись на поверхность, он брезгливо стряхнул с себя паутину и, оглядевшись, обнаружил свою стрелу, вонзённую в толстое, похожее на дуб дерево. Стрела глубоко вошла в ствол, и выдернуть её у Илея не хватило сил. Приглядевшись, он обнаружил, что находится высоко в горах. Вдоль крутого склона вилась тропинка, и Илей пошёл вниз по ней, рассудив, что те места, в которые спешил он, вряд ли находились на пике какой-нибудь скалы...

Глава 7

Обогнув скалу, Илей лицом к лицу столкнулся с девушкой, которая испуганно вскрикнула и отшатнулась.

– Не бойся! – сказал ей Илей. – Я не причиню тебя зла!

– Кто ты таков? И что делаешь здесь? – спросила девушка, поправляя большой сиреневый платок, покрывавший ее голову.

– Меня зовут Илей. Здесь я оказался случайно. А иду я в царство Индрика-Змея. А как звать тебя? И не знаешь ли ты часом, что это за горы?

– Меня зовут Мара. А это Кавказские горы. Они выросли на том месте, где покоится голова злого Юши-Змея. Оттого-то и беспокойно здесь так, что злоба Юшина горы сотрясает.

– А что же ты делаешь здесь?

– Давным-давно полюбила я богатыря Белояра. А он полюбил меня. Но злая змея Параскея возревновала к нашему счастью и, опоив сокола моего травами дурманными, похитила его. Тогда я пошла искать его. В здешних горах живут три древних мудреца Аксакала. Они указали мне, где искать змею Параскею и моего суженого. Живут они в замке Параскеи, а вход в замок тот завален огромным камнем. Аксакалы пообещали отдать мне меч, принадлежавший некогда Златогорке и хранимый ими после гибели её, который один мог этот камень разбить. Но для того должна была я доказать любовь свою. Даны мне были башмаки чугунные и велено в них по земле ходить до той поры, покуда не сношу башмаки эти. Сколько вёрст прошла я – не счесть никому! Весь свет исходила, и, вот, стёрлись, наконец, башмаки мой треклятые! И иду я теперь к Аксакалам, чтобы взять у них меч и освободить моего Белояра!

– Храбрая ты! – восхитился Илей. – Я с тобой пойду. Может, и моя помощь не лишней будет!

И пошли они дальше вместе. Долго ли, коротко ли шли они, а разверзлось перед ними глубокое ущелье, дна которого не было видно. Не было через это ущелье ни моста, ни иной переправы. Долго думали Илей с Марой, как перебраться через него, и не могли ничего придумать. Тогда набежали на небо чёрные лохматые тучи, и ударила из них молния, и полил сильнейший ливень, и загрохотал гром и, подхваченный горным эхом, долго не умолкал он, оглушая и сотрясая всё вокруг. Илей и Мара спрятались под горным выступом и там переждали грозу. Страшно бушевала она, расщепляя причудливыми переливами молний острые горные пики, а закончилась столь же внезапно, как и началась. И тогда небо снова стало светлым, а через ущелье перекинулась широкая разноцветная радуга... Вдруг откуда ни возьмись появился белоснежный прекрасный олень с золотыми рогами и копытами. Подогнув свои стройные передние ноги, он позволил Маре и Илею взобраться к себе на спину. И, как только они уселись, стал неспешно подниматься по радуге, словно по мосту. Илей озирался кругом, и от открывающейся с высоты красоты у него захватывало дыхание. Повсюду возвышались стройные величественные горы, покрытые седыми шапками снега, сияющими в солнечных лучах. Горный воздух, освежённый грозой, с непривычки ударял в голову. Небо казалось таким близким, словно до него можно было дотянуться рукой. Олень шёл медленно, гордо вскинув умную благородную голову с тёмными большими глазами. Он будто и не шёл вовсе, а скользил, плыл по переливающейся под его копытами радуге. Наконец, путь был преодолён, и они очутились на другой стороне ущелья. Едва Илей и Мара спустились на землю, белый олень кивнул им головой и ускакал со скоростью ветра прямо к вершине крутой скалы. Радуга стала медленно растворяться...

В скале, к которой привёз своих седоков олень, был вход. Пройдя в него, Мара и Илей очутились в огромной пещере, увенчанной высоким голубым куполом, похожим на небо. У

противоположной стены сидели три великана – древних старца. Белоснежные густые, лежащие на плечах волосы их и длинные бороды практически сливались с белыми одеждами, в которые были они облачены. Казалось, величественные старцы дремали, прикрыв глаза. От вошедших их отделяло небольшое кипящее и булькающее озеро.

– Здравствуйте, почтенные Аксакалы! – громко крикнула Мара.

Старцы, как по команде открыли одинаково бесцветные глаза.

– Здравствуй, девица! – густым низким голосом отозвался сидящий посередине великан, и голос его подхватило гулкое эхо. – Видим мы, что сносила ты наши башмаки чугунные?

– Сносила!

– Сильна, стало быть, любовь твоя! – кивнул Аксакал. – Достояна ты меча Златогоркина! Что скажете, братья?

Два других старца лишь кивнули седовласыми головами, не обронив ни слова.

– Ну, что ж, мы держим своё слово! Возьми меч! – повелел Аксакал и протянул к Маре свою правую руку, на ладони которой лежал большой меч, казавшийся, правда, игрушкой в огромных руках старика.

Мара подняла меч и чуть не уронила его, так как был он очень тяжёл для неё. Гулко засмеялись Аксакалы, и от хохота их содрогнулись горы, и эхо разнесло его по всей округе.

– Ступай, девица! – произнёс старший Аксакал. – Тебе следует ныне спуститься к подножию этих скал. Как увидишь засохший терновник, так смотри внимательно: рядом с ним будет вход в логово Параскеи. Ступай! И пусть всё свершится согласно небесной воле!

Мара поклонилась и вместе с Илеем покинула пещеру Аксакалов.

– Давай я понесу меч, – предложил Илей. – Тебе ведь тяжело будет.

– Нет, – покачала головой Мара. – Чтобы спасти своего суженого, я всё должна делать сама.

Отхлебнув немного молока коровы Земун, они двинулись вниз.

– А кто такая Златогорка? – спросил дорогой Илей.

– Жила когда-то на земле богатырша Златогорка. Она была очень сильной и доброй. Все злодеи боялись её. Однажды в этих горах, путешествуя вместе с Дажьбогом, нашла она огромный каменный гроб. Никому не подходил он. Даже Дажьбогу велик оказался. И решила Златогорка тоже попробовать и легла в этот гроб. И он оказался ей по росту. Легла она, и крышка гроба захлопнулась, и никто не смог открыть её и спасти богатыршу...

Они спустились к подножию горы и увидели одиноко растущий совершенно сухой терновник.

– Здесь где-то должен быть ход! – сказала Мара.

Неподалёку от терновника рос величавый огромный дуб. Обойдя его кругом, Илей заметил между корней широкое отверстие, похожее на дупло.

– По-моему, нам сюда! – сказал он Маре и, первым спустившись в обнаруженный ход, помог сделать то же подруге.

В дупле обнаружилась широкая лестница, ведущая глубоко вниз.

– Кажется, мы спускаемся в подземное царство, – заметила Мара.

– Очень хорошо! Мне как раз туда и надо! – отозвался Илей.

Глава 8

Это действительно было подземное царство. Илей сразу признал его, признал дикие, кряжистые и сучковатые деревья, признал желтоватое небо. Где-то недалеко шумела, полыхая ледяным огнём, речка Смородина. Логово Змеи Параскеи находилось тут же, поблизости. Это был небольшой, неуклюжий, каменный замок, вход в который был завален тяжёлой каменной плитой. Мара глубоко вздохнула, с трудом подняла тяжёлый Златогоркин меч и с размаху ударила им о ненавистную плиту. Та в тот же миг рассыпалась на мелкие кусочки, и меч со звоном упал на землю из ослабевших Мариных рук. Из замка к непрощённым гостям вышла, облачённая в облегающие её нестройное тело одежды из блестящей кожи, женщина с прищуренными злыми глазами и кривой противной усмешкой на тонких губах. Женщина хромала и опиралась на изящную трость. Это и была Змея Параскея.

– Пришла-таки! – проскрипела она, обращаясь к Маре. – И зачем? Сколько лет прошло. Не нужна ты ему, дурочка! Меня любит твой сокол, а о тебе и позабыл давно!

– Врёшь ты всё! Не мог он забыть меня! – воскликнула Мара.

– Не хочешь – не верь!

– Послушай, Параскея! Я чугунные башмаки сносила, чтобы увидеть его! Позволь мне встретиться с ним! Если и впрямь любит он тебя, я препятствовать не стану. Ну, а коли врёшь ты, то ничто уж не разлучит нас. Но пусть он сам выберет! Пусть сам скажет, кто ему милее.

– Ишь ты какая умная! – взвизгнула Параскея. – Сначала дерзости мне говорила, а теперь позволить просишь? А что мне будет за это?

– Вот, я стою перед тобой, оборванная и измученная. Иль не видишь ты, что нет у меня ничего? Всё, что было, уж отняла у меня ты.

– Тогда и говорить нам не о чем! – Змея сделала движение, чтобы вернуться в свой замок, но Илей остановил её.

– Подожди, Параскея! У неё и впрямь нет ничего, а я кое-что имею. Вот, взгляни! – и он протянул ей золотое блюдечко с яблоком, подаренные Бурей Ягой.

Глаза Параскеи алчно загорелись:

– Давай его сюда!

– Нет! Сначала отведи нас к Белояру, а потом уж отдам я тебе блюдечко!

– Хорошо! – подумав, сказала Змея. – Приходите к ночи! Я отведу вас к нему! – с этими словами она исчезла.

– Подождём ночи! – решил Илей. – А пока отдохнём!

Мара кивнула, утирая слёзы.

Когда начало смеркаться, Параскея появилась вновь, держа в руках большую, толстую свечу. Она сделала знак униженной перстнями рукой, приглашая идти за ней. Вскоре они очутились возле массивной двери.

– Это покои Белояра, – сказала Змея. – Давайте блюдо и я открою вам дверь.

– А почём мы знаем, что ты не обманываешь нас? Может, нет там никого? – возразил Илей.

– Тогда убирайтесь отсюда! – гневно вскрикнула Параскея, и желтоватое лицо её покрылось багровыми пятнами.

– Отдай то, что она просит! – взмолилась Мара.

Илей, нехотя, протянул Змее блюдо, и та, с жадностью схватив его, тотчас отперла дверь и почти впихнула в неё Мару и Илея. Дверь с грохотом захлопнулась, и наши друзья оказались в прекрасном гроте, стены и потолки которого были разукрашены самоцветными камнями.

Посреди грота стояло хрустальное ложе, на котором неподвижно лежал богатырь Белояр. С криком бросилась к нему Мара и, упав ему на грудь, заплакала:

– Вот, и нашла я тебя, сокол мой! Что ж молчишь ты? Почто холоден? Очнись, Белояр, очнись!

Предчувствуя дурное, Илей отошёл в угол и опустил голову. Откуда-то выбралась маленькая серая мышка, села, сложила лапки, и, покачав головой, сказала Маре:

– Не зови его, девица! Не откроет он больше глаз своих. Змея Параскея опоила его отраву смертельной, и спит он ныне сном вечным!

– Погубила тебя Змея Параскея! – горько возопила Мара. – Не встречать нам зарю вместе. Оставил ты меня сиротою на земле! Для чего же и жить мне теперь, без тебя?!

– погоди, – сказал ей Илей. – Может, не всё ещё потеряно, – он порылся в своей котомке и извлёк оттуда то самое яблоко, которое подарила ему Леля. – Это золотое яблоко из райского сада. Оно оживляет мертвецов, а смертным даёт жизнь вечную. Дай его своему жениху, и он оживёт!

– И тебе не жаль отдать его? Ведь ты мог съесть его и получить...

– Вечную жизнь? – улыбнулся Илей. – Да на что она мне? Я человек простой и чужого мне не надо. Вечная жизнь – удел богов. А я землёю рождён, в неё и лечь должен буду. Да и скучно это – вечно жить... Боюсь, надоест мне! Бери яблоко, Мара! Бери! Поруби мелко и дай жениху своему. А после пусть запьёт остатками молока Земун, что в моей фляге!

Мара сделала всё так, как сказал ей Илей. И, вот, дрогнули веки богатыря, и могучий вздох вырвался из груди. Белояр ожил.

– Жив! – вскрикнула Мара. – Жив! Слава небесам! Спасибо тебе, друг мой неожиданный! – повернулась она к Илею, махнувшему на неё рукой. – Милый мой Белояр! Узнаёшь ли ты меня? Помнишь ли? Чугунные башмаки сносила я, чтобы отыскать тебя! Молви же хоть слово!

Богатырь поднялся со своего ложа, улыбнулся широко и радостно и шепнув только: «Мара, моя Мара!» – заключил невесту в объятия.

Илей некоторое время наблюдал счастливую встречу влюблённых, которые никак не могли наговориться друг с другом, и, наконец, решил прервать их:

– Вот что, друзья мои, я понимаю, что вам сейчас дела нет ни до чего на свете. Однако, хотел бы обратить ваше внимание, что мы, между прочим, всё ещё находимся в доме Змеи Параскеи, а это не самое подходящее место для вашего воркования. Да и я, если честно, спешу. Вы уже нашли друг друга, а мне мою подругу ещё спасти надо!

– Это друг наш и спаситель Илей! – представила Мара его своему жениху. – Это он пожертвовал нам яблоко живительное.

– Отныне я у тебя в неоплатном долгу! – произнёс богатырь. – Ты вернул мне жизнь и невесту. Что я могу для тебя сделать?

– Для начала давайте выберемся из этой змеиной норы, – предложил Илей.

– Тогда вперёд! – кивнул Белояр и, с лёгкостью подняв Златогоркин меч, обрушил его на дверь, которая немедля рассыпалась.

Путь был свободен, и трое друзей поспешно покинули логово Параскеи. Но отдохнуть на том им было не суждено... Со страшным грохотом из леса вышел трёхголовый змей Горыня, на спине которого восседала, визжа и постукивая его своей тростью, Змея Параскея.

– Куда это вы, голубчики мои, собрались-то? – заверещала она. – Не пущу! От меня не уйдёте! Дави их, Горынюшка, дави!!!

Белояр обнажил меч.

– Мы ещё посмотрим, кто кого! Илей, Мара, бегите к реке!

– Я тебя не оставляю! – вскрикнула Мара.

– Илей уведи её! – велел Белояр, и Илей почти силком потащил отбивающуюся девушку к реке.

Оставшись в одиночестве, богатырь приготовился принять бой. Одно удручало его – был он безлошадным. Змей наступал, угрожающе рыча. Когда он подошёл уже совсем близко, Белояр уцепился за ветку растущего рядом дерева, подтянулся на одной руке и, таким образом оказавшись на одной высоте со змеиными мордами, срубил левую голову чудовища. Лязгнула зубами средняя голова, и едва увернулся от неё богатырь.

– Так! Одна есть! – радостно подытожил он. – Будет и другая! Ну, подходи, змеиное отродье! Узнаешь, как с человеком дело иметь!

И снова стал наступать Горыня, повинувшись трости Параскеи...

Между тем Мара и Илей добежали до реки Смородины. Приглядевшись, Илей разглядел плывущую по ней ладью. Когда она приблизилась, он различил стоящего в ней Велеса.

– Сюда! Сюда! На помощь! – громко крикнул Илей.

Велес узнал его и со всей силой налёг на весло, и вскоре ладья причалила к берегу.

– Что тут у вас? – спросил Велес. – Услышал я треск и грохот. Мне сорока донесла, что Горыня-змея безобразит.

– Это Параскея его научила! – сказал Илей.

– Да? Ну, ясно. Где ему самому-то. А она всегда мне отвратительна была. Мерзкая баба! Ну, одно слово, змея! Пошли, разберёмся! – решительно сказал Велес и ринулся в сторону, откуда доносился гром боя.

Илей и Мара побежали за ним. Когда они добрались до места, то увидели, что посреди выжженной опушки лежат уже две отрубленные головы змея, и Белояр из последних сил сражается с последней.

– Бросай эту гадину! – крикнул Велес. – Отходим к реке! – и, вырвав с корнем огромный пенёк, с силой швырнул его в змея.

Не ожидая нападения с другой стороны, тот повернул свою последнюю голову к Велесу с откровенным намерением проглотить обидчика. И в этот момент настиг его меч Белояра, и последняя голова скатилась к остальным.

– А, вот теперь, бежим! – крикнул богатырь.

– погоди! Надоть ещё со змеищею разобраться, – возразил Велес.

Параскея дико завизжала и, обратившись змеей, попыталась скрыться в траве. Но здесь её настиг Велес и с наслаждением раздавил своей тяжёлой ногой.

– Ну, вот, таперича всё, – произнёс он удовлетворённо. – Запомните, ребята, этим гадёнышам спуску давать нельзя. Они по-хорошему не понимают. Давить из надо, давить! Только так!

Глава 9

В просторной ладье Велеса хватило места всем. И вновь бурлила и полыхала Смородина, а вдоль крутых берегов непреступной стеной возвышался царственный лес. Мара склонила голову на богатырское плечо Белояра и счастливо улыбалась, а Илей в подробностях описывал Велесу свои приключения на Ирии, а затем в пекельном царстве.

– Вот, Могол, а?! Ну, говорил же я, чтоб ты с нею начеку был! Склочная и вредная птица! – возмущался Велес. – А матушка-то моя как? Здорова ли?

– Здорова! Шлёт привет и приглашает в гости!

– Ох-хо... Я и сам думаю, что пора бы навестить старушку. Да недосуг всё! Значит, достал ты всё-таки яблочко-то?

– Достал, – улыбнулся Илей. – А что же вы мне не сказали, что серебряное-то яблочко – подарок Бури Яги ещё и путеводное?

– Неужто не сказал? – поразился Велес. – Старею... – сокрушённо добавил он. – Видать, склероз. Запамятовал, не взыщи! Среди этих паразитов, моих новых родичей голову потерять раз плюнуть!

– А Аурика? Как она?

– Танцует! – улыбнулся Велес. – Я Котошихе строго-настрога велел беречь её! Ах, да! Чуть самого главного не позабыл опять! Вот, она память-то стала, а?! Беда! Волх-то, супостат окаянный, родителя своего Индрика порешил! Волком обратился и во сне того слопал, мерзавец! Теперь он у нас правит. Такие, брат, дела! Змея-то Параскея матерью этому выродку приходится... Чую, несдобровать нам всем теперь. Я-то – тёртый калач. Меня он тронуть побойтись, тем паче, что я самой Яги муж, а она у меня баба лихая – с ней вражды никто не захочет! А, вот, вам, братцы мои, надо как можно скорее на землю возвращаться. Торопиться надо! Вот, вкусит твоя наречённая яблочка, и айда отсюда вон! Я даже и сам отвезу вас, заодно к матушке слетаю.

Был уже полдень, когда усталые путешественники решили сделать привал. Велес тотчас растянулся на земле и захрапел, а Мара и Белояр спустились к реке. Илей прилёг тоже и задремал, предвкушая скорую встречу с Аурикой и возвращение в родное Городище, которое стало казаться ему почти любимым за время разлуки с ним. Во сне ему приснилась тётя Эрна, хлопчущая на кухне, и Илей понял, что очень по ней соскучился...

А в это время новый князь подземного царства Волх строил свои козни. Надо сказать, что прекрасная Аурика приглянулась ему не меньше, чем отцу его Индрику, но, пока последний был жив, Волх скрывал свою страсть. Теперь же путь был свободен. И лишь одно мешало Волху – «мальчишка, явившийся с земли». Этого мальчишку подземный князь возненавидел вдвойне после убийства своей матери Параскеи и вынес ему приговор – смерть! Для осуществления этого замысла Волх позвал свою жену Царевну смерти, красавицу Марену Свароговну. Марена явилась вскоре, облачённая в белые одежды, с чёрными густыми волосами до пояса, бледная, сверкающая ледяными тёмными глазами.

– Здравствуй, сокол мой, – пропела она низким голосом, обвивая шею супруга своими изящными руками.

– Здравствуй, Маренушка, – отвечал ей Волх.

– Почто звал меня в столь ранний час? Ведь ты знаешь, что я привыкла вставать поздно.

– Нужно мне, милая Маренушка, человека одного погубить!

– Тоже мне невидаль какая! И для этого ты меня разбудил? Али сам не можешь? Батюшку-то своего ты без моей помощи слопал как будто!

Волх злобно щёлкнул зубами:

– В том-то и дело! Сыт я этим старым Змеем по горло! Ну, что тебе стоит, а? Ведь от одного лишь твоего поцелуя смертный погибает. Али я не помню, скольких перецеловала ты? Стольких, что и счесть невозможно! Всё царство наше тобою расцеловано. А я ведь даже не ревную! Так сделай же мне одолжение.

– Кто тебе мешает?

– Его зовут Илей! Мелкий воришка, угодивший в наше царство по капризу дедушки Юши! Поцелуй его, а?

– Не буду! – резко ответила Марена.

– Это отчего?

– А время его ещё не пришло! Вот придёт час, тогда и поцелую. Всякому час приходит, ко всякому приду. А его час ещё не скоро! И не проси меня. Не стану его целовать!

– Слушай, Марена! – прорычал Волх. – Или ты забыла, с кем говоришь? Я тебя от вечной тоски спас!

– Да? Милый мой супруг, да неужто я не понимаю, чем тебе мешает этот мальчик? Хочешь ты его невесту украсть, а он тебе помехой! Или не права я? Только мне-то это зачем нужно? Неужто я своими руками в дом приведу себе соперницу? Да пусть увезёт он её за тридевять земель от глаз твоих бесстыжих! Эх, Волх, Волх, ненасытен ты! Уймись, покуда до беды не дошло! – так сказала Марена и ушла прочь.

– Дрянь! – щёлкнув зубами ей вслед, прорычал Волх.

Немного погодя он трижды хлопнул в ладоши, и на зов его тотчас влетел большой старый филин.

– Позови сюда дядьку моего, Вия! – велел Волх птице, и та улетела исполнять приказание.

Вий явился на зов нескоро, грузный и неповоротливый, он вошёл, сопровождаемый двумя прислуживавшими ему упырями.

– Почто звал меня, племянник? – спросил он басом, не поднимая век.

– Хочу с тобою, дядя, совет держать! Мешает мне один человек очень! Понимаешь, к чему веду?

– Знамо дело. Изничтожить решил? Так в чём сложность? Сама смерть в жёнах у тебя ходит!

– Упрямится Марена! Время, де, человеку тому помирать не пришло!

– Что же ты за князь, коли собственной жены уломать не можешь? – громыхнул раскатистый хохот Вия. – Ну, и я тебе в том деле, Волх, не помощник. Кабы ты раньше со мной больше советовался, я бы, может, и оказал тебе услугу, а так...

– Погоди-погоди! – испугался Волх. – Этот человек не мне один враг! Он и в твоей вотчине набедакурил! Это он нечисть твою солнечными стрелами пострелял!

– Так с этого и начинать надо было, – заметил Вий. – Тогда, ты прав, надо его изничтожить. Есть у меня один упырёк для этого. Новенький. Покуда жив был, твоему супостату дружком приходился. Ему и поручим это дело. Для него опять же наука будет! – и, поманив толстым пальцем прислужника, приказал: – Приведи сюда Квасура!

Если бы кто-нибудь из прежних знакомых Квасура увидел его в тот момент, когда он, содрогаясь всем телом, переступал порог Волхова логова, то, скорее всего, не узнал бы его и наверняка перепугался. Посиневший, обросший сероватой щетиной, оборванный, Квасур стал худ настолько, что видна была всякая кость его. Волосы были взлохмачены, губы пересохли, а глаза, неестественно расширенные, блуждали. Увидев Волха, он упал перед ним на колени и выдохнул:

– Приказывай, повелитель!

Волх недоверчиво и брезгливо поглядел на новоявленного кровопийцу, затем на Вия, как бы желая спросить того, справится ли его подчинённый с заданием. Но Вий так и не поднял

своих тяжёлых век, и это сильно разозлило вспыльчивого Волха. Однако, выбирать было не из чего, и, обратившись к Квасуру, он произнёс, протягивая ему длинный острый нож:

– Этим ножом ты должен будешь заколоть сегодня Илея!

– Я не могу! – взвизгнул Квасур.

– Тогда я велю вывести тебя на солнце, и оно испепелит тебя. Ты убьёшь его и получишь за это награду. Сделаю я тебя старшим упырём.

Глаза Квасура вспыхнули жадным блеском.

– Я исполню твой приказ, повелитель! – произнёс он, принимая нож.

– После того, как ты убьёшь его, ты возьмёшь у него колчан со стрелами и принесёшь его мне. Всё понял?

– Исполню, как велел ты мне!

Чёрный ворон довёл Квасура до берега, на котором спал Илей. Убийца осторожно подкрался к бывшему другу и прежде всего поднял колчан, лежавший рядом, затем размахнулся и ударил спящего ножом в грудь. Илей вскрикнул, и Квасур, заслышав голоса бегущих на зов, в страхе скрылся в лесу. В то же мгновение появились Белояр, Мара и Велес. Илей был ещё жив. Мара приподняла его голову и, положив себе на колени, залилась слезами.

– Не стой истуканом, богатырь! – накинулся Велес на Белояра. – Беги ищи злодея. Милок, милоч, – повернулся он к раненому. – Потерпи! Сейчас я тебе яблочка дам!

– Нет! – вскрикнул Илей. – Не трожь яблока. Оно – для Аурики. Я не стану его есть. Отвезите ей... Позаботьтесь... Отведите на землю. Пусть лучше она живёт! А мне, зная, дня белого уже не увидеть! Прощайте, друзья...

– Он умер! – в ужасе закричала Мара. – Где яблоко? Велес!

Но тот лишь покачал однорогой головой.

– Нельзя, девочка. Он велел отдать Аурике. Его волю нарушать нельзя.

Из леса выбежал Белояр.

– Злодея нигде нет! – мрачно произнёс он.

– Да хорошо ли ты смотрел?! – взвился Велес.

– Посмотри сам!

– Ладно... Теперь это уже неважно. К жизни друга нашего не вернуть тем, – вздохнул Велес, отчаянно дёргая себя за рог. – Старый я дурак... Прохрапел мальчишку!

Глава 10

На Ирии никогда не было ни тумана, ни дождя, ни туч, но всегда сияло солнце, согревая и улыбаясь всем без исключения. Леля сидела у окна своего расписного чертога, подставив солнечным лучам своё прекрасное лицо и прикрыв глаза. Сидящая рядом Жива что-то вышивала, напевая песню. Многое переменилось в райском саду Ирии с того момента, как побывал там Илей. Старый Сварог проведал о похищении двух золотых яблок и учинил розыски виновного в сём неслыханном деле. Чтобы не подвергать отцовскому гневу других и выгородить своего друга Илея Леля всю вину взяла на себя, соврав, что Илей не ведал, что она эти яблоки украла. Как ни велик был гнев Сварогов, но сердиться долго на меньшую и любимую дочь свою он не мог, тем более, что жена его Лада со слезами упрашивала простить неразумную. И Сварог простил. Однако, с этих пор у райской яблони установлена была охрана: три райские птицы скрывались в ветвях её, следя за порядком.

– Жива, а, Жива, – обратилась Леля к сестре. – Как ты думаешь, нам так и суждено навеки остаться одинокими?

– Мир Родичей узок. Где же нам взять жениха? – отвечала Жива, не отрываясь от рукоделия.

– Что ж, остаётся только по примеру сестрицы Марены удрать к драконам и змеям?

– Типун тебе на язык! Лучше век сидеть в этом чертоге, чем туда!

– Тоскливо мне нынче, сестрёнка. Прямо не знаю куда деться.

– Знаю я причину твоей тоски! – улыбнулась Жива. – Тот юноша, да? Скучаешь по нему?

– Если честно, то да. С ним было весело...

– Так ли уж много у него достоинств?

– У него есть главное достоинство. Он – Человек. А не бог. И он добрый и весёлый. А если бы можно мне было уйти на землю и жить там с ним! Ах, и не нужны мне ни чертоги, ни сады райские, ни бессмертие! Всё бы я отдала за одно лишь мгновение счастья! За любовь!

– Леля, милая! Но ведь ты и есть любовь! Смешная ты!

– Смешная... Сама покровительствую чужой любви, и сама же лишена её. Глупо!

– Сходи к кипящему озеру, погляди на своего сокола! – посоветовала Жива.

– И, правда! – обрадовалась Леля. – Побегу!

Она вернулась вскоре, с красными, заплаканными глазами, и прошёптала дрожащим голосом:

– Убили!

– Кого? – не поняла Жива.

– Его!

– Витязя твоего убили?!

Леля кивнула, всхлипнув:

– Лежит с ножом в груди, весь белый... Жива! Сестрица! На тебя вся моя надежда! – Леля умоляюще сложила руки. – Жива! Спаси его, слышишь?! Если надо, то лучше мне сгинуть навеки, только бы знать, что он жив и здоров!

– Глупая! Одумайся! Что говоришь ты?

– Ты не можешь отказать! Его предательски закололи во сне. Ты, ты одна можешь воскресить его! Ведь одного поцелуя твоего будет достаточно, чтобы он ожил! Заклинаю тебя всем дорогим на свете, сестра! Помоги!

Жива отложила своё рукоделье, посмотрела с жалостью на заплаканную сестру, тяжело вздохнула и махнула рукой:

– Полетели! Только, если отец прогневаётся, ответ держать ты будешь!

Обе сестры накинули на плечи широкие цветастые платки и в тот же миг обратились прекрасными белыми лебедями. Они вылетели из окна чертога и устремились прямо в подземное царство, к тому берегу, на котором лежал убитый Илей. Едва коснувшись земли, лебеди снова обратились в царевен и сбросили с плеч свои шали.

– Ба! – всплеснул руками Велес. – Никак мои душеньки-племянницы в гости к нам пожаловали! Здравствуйте, лебёдушки мои! Очень вы ко времени, надо сказать... – и он кивнул рогом на лежащего Илея. – Жива, дочка! Не хмурь своих тонких бровей! Поцелуй друга нашего и он восстанет из мёртвых.

– Отвернитесь все! – велела Жива. – Я при чужих стесняюсь...

– Нашла тоже чужих! – проворчал Велес. – Так мне всё равно в лес надо, – и он ушёл в лес, как будто у него там действительно было дело.

Когда все отвернулись, Жива быстро склонилась к Илею и, зажмурившись, поцеловала его в губы и сразу же отошла прочь, зардевшись подобно макову цветку.

Веки Илея дрогнули, он открыл глаза и поднялся с земли. Все, кроме Живы, бросились к нему.

– Живой!!! – заревел Велес, выскакивая из леса. – Ну, и пир же закатим мы в честь этого! Жива, спасибо тебе, дочка! Хоть ты и сердисься, а всё-таки я знаю, что душа-то у тебя добрая!

– Полноте ерунду говорить, дядя, – поморщилась Жива. – Леля! Ну, как тебе не совестно? – прикрикнула она на сестру, которая повисла на шее Илея и счастливо смеялась. – Позор какой-то! Сварогова дочь, царевна на шее простого смертного!

– Ну, не будь злокой! – взмолилась Леля. – Неужели ты не понимаешь, как это замечательно – любить и всецело отдаваться своим чувствам?

– Не понимаю, – отозвалась Жива. – Наша сестра Марена тоже отдалась своему чувству. И что? Живёт теперь с этим чудовищем, Волхом!

– Это другое дело!

– То же самое!

– Девочки, не ссорьтесь! – попросил Илей. – Спасибо вам обоим за всё! Вы очень выручили меня. Так, может, выручите теперь моих друзей? Долгие годы были они в разлуке, многое пришлось пережить им. И, вот, они, наконец, вместе! Быть может, вы помогли бы им вновь оказаться на земле?

– Нет, нет! Не надо! – вмешался Белояр. – Мы и так уж в неоплатном пред вами долгу. Мы уж как-нибудь сами...

– Да о чём речь! – радостно воскликнула Леля. – Мара, Белояр, мы обязательно поможем вам!

– Но, Илей, – начал Белояр, – ведь тебе может понадобиться моя помощь! Я не могу оставить тебя теперь, когда дело твоё не завершено. Ведь ты друг мне! Я тебе обязан...

– Я справлюсь сам, – ответил Илей. – И потом ты ничем мне не обязан. А, вот, ей, – он кивнул на Мару, – обязан. Она столько всего перенесла ради тебя. Так не томи её больше! Я прошу тебя, друг Белояр, возьми свою невесту, и летите на землю!

– Решено! Так и будет! – поддержала Леля.

– Ишь ты, добрая какая! Как же ты собираешься помочь? Или ты полагаешь прокатить их по воздуху на наших лебяжьих шеях? – фыркнула Жива.

– Не обращайтесь на неё внимания. Она сегодня не в духе и боится гнева отца. Она добрая, правда! – залопотала Леля. – Не беспокойся, сестра, твоей лебяжьей шее ничего не угрожает. Я всё сделаю сама!

– Тогда, пожалуйста!

Леля вынула небольшой платок и расстелила его на земле.

– А теперь, приготовьтесь! – подмигнула она.

Первый раз хлопнула в ладоши Леля – и посреди платка возник маленький ларчик, второй раз хлопнула – и Мара с Белояром сделались крошечными, как лилипуты, третий раз хлопнула – и они очутились в ларчике, а на четвёртый ларчик захлопнулся, а платок плотно обернул его. Леля подняла ларчик и спрятала в свои одежды.

– Прежде чем вернуться на Ирий, я слечу на землю и верну им прежний их рост, – улыбнулась она.

– Экая ты кудесница, дочка! – восхитился Велес. – Таких чудес ни одна ведьма не сотворит, только ты можешь!

– Спасибо, дядя! Будь счастлив, милый мой Илей! А нам с сестрою пора! Прощай! – тихо сказала Леля, и опять сёстры обратились в лебедей и взмыли ввысь, и вскоре растворились в ней.

– Э-хе-хе, – крикнул Велес. – Значит, пира не будет... Ну, ничего! Сейчас оживим твою девочку, и уж тогда отметим!

– Поедем же к ней! – предложил Илей и первым направился, к покачивающейся на волнах лодке.

Глава 11

Лиловое небо было рассвечено жёлтыми бликами, по поляне снова кружились прекрасные полупрозрачные девушки и юноши. Они танцевали вальс, и изящная Котошиха, лёжа на ветви сосны, играла им на велесовой свирели, помахивая своим пушистым хвостом, томно прикрыв жёлтые глаза. Это была купальская ночь, ночь, предшествующая дню Ивана Купалы. Ровно в полночь посреди поляны вырос необыкновенно высокий и пушистый папоротник, в листе которого раскрылся огромный белый цветок, источавший волшебный аромат. На этот аромат из леса стали выходить звери и тут же, на этой поляне, обращаться в людей, какими были они при жизни. Многие знали друг друга, обнимались и вспоминали прошлое. Иные пускались в пляс. Ярko горели разведённые костры. И ожившие на одну лишь ночь люди, надевая венки из полевых цветов, прыгали через них. Чей-то необычайно чистый и ясный голос завёл песню:

Лиловые дали мерцают над нами,
А нас обжигает холодное пламя...
Кто любит, тот знает, всю истину мира,
Её не отдаст он за груды сапфиров.
Рипейские горы вольны с небом спорить.
А мы рождены, чтобы не прекословить.
Но только рабы знают цену свободе
Загадку её шепчут боги природе.
И нищему лишь чёрствый хлеб будет сладок,
И только в разрухе желанен порядок,
Отвергнутый знает всю силу любви,
А слава всегда создана на крови...
Кто знает, что будет? Загадка – судьба.
Здесь отдых наступит, а жизнь есть борьба.
Так, что же, друзья! Не пугайтесь! Боритесь!
Влюбляйтесь, трудитесь, друг другом держитесь!
И радуйтесь всякому дню, пока шалью
И вас не покрыли лиловые дали...

Под конец песню пел уже не один голос, но целый хор, сонм собравшихся на поляне в волшебную ночь.

Илей сидел на крыльце избы Бури Яги, которая по велению хозяйки дотопала на курьих ногах до поляны и остановилась там. Аурика положила голову ему на плечо и заморожено слушала песню. Хмельной и весёлый Велес бойко перескочил через костёр под аплодисменты собравшихся. Буря Яга вышла на крыльцо и лишь качала головой, взирая на проделки мужа.

– Старый чёрт, а всё аки жеребец молодой скачет. Не утихомирится, – ворчала она злобно.

– Так ведь сегодня праздник! – улыбался Илей.

– Это у вас праздник, а у меня постный день. С утра не евши... – бормотнула Яга и ушла в дом, хлопнув дверью.

– Илей, нарви мне, пожалуйста цветов, как в детстве. А я сплету тебе венок, – попросила Аурика.

Илей кивнул и побежал на поляну за цветами. В этот момент с неба чёрною тучей обрушился огромный чернокрылый конь и, одетый в волчью шубу всадник схватил Аурику и, перебросив её через седло, хлестнул коня, тотчас взмывшего в небо.

– Караул! – зарычал Велес. – Это Волх, собачий сын! Стой!!!

Из трубы своей избушки в ступе вылетела Буря Яга. Она на лету подхватила Илея за шиворот и усадила рядом с собой.

– Сейчас догоним супостата! – рявкнула она, ловко правя ступу метлой.

Чёрный конь мчался быстро, но и Буря Яга не отставала от него. Погоня происходила над тёмным и притихшим лесом, прямо под сводами лилового неба. Вот, промелькнула внизу Смородина, в которой, как показалось Илею, купались люди. И снова лес. Уставший от скачки Волх достал лук, и Илей увидел, что он налаживает ту самую стрелу Солнца, которую украл Квасур. Яркой вспышкой блеснула стрела в тёмном небе. Буря Яга охнула, но стрела, не пролетев и половины пути, вдруг развернулась и угодила прямо в Волха. Пронзительный волчий вой огласил царство, и в тот же миг и конь, и его хозяин растворились в воздухе, а Аурика камнем полетела вниз.

– Нет!!! – завопил Илей, но Буря Яга уже устремила свою ступу к падающей девушке и ловко поймала её прямо у самой земли.

– Фу... – протянула она. – Измотали вы меня, детушки. На голодный желудок такие потрясения вредны.

– Спасибо тебе, бабушка! – хором сказали Илей и Аурика и чмокнули старуху в обе щёки.

– Ну, полноте... – поморщилась Яга. – Я ваших людских нежностей не выношу. Сидите лучше тихо, а то, чего доброго, свалитесь. Лови вас! Всё! Завтра кончатся мои мученья! Отвезёт вас Велес на землю, и наша жизнь вернётся в привычное русло, пока очередной герой на голову не свалится...

Обратно они плыли медленно и низко, почти задевая верхушки деревьев. И Илей удостоверился, что в Смородине действительно купались. Купались мужчины и женщины, резвясь как дети, брызгаясь, смеясь и крича. Река отчего-то не полыхала.

– Сегодня единственная ночь в году, когда Смородина не горит, и вода её не ядовита, – пояснила Буря Яга, словно угадывая мысли Илея. – Эх ведь резвятся! Словно щенки малые!

Они спустились на поляну. Там продолжалось веселье, и только Велес угрюмо сидел на крыльце, ожидая возвращения супруги и почёсывая рог.

Глава 12

После смерти Волха, Повелителем Подземного Царства сделался его дядя, Вий. Несмотря на страшный свой вид, он был менее зол, чем его брат и племянник. Он был зол обычно, зол настолько, насколько это было положено ему по должности. К тому же он был прост и ленив до интриг. Он занимался своим делом и никогда не совался в иные сферы.

Царевну Марену Вий немедленно усадил в отдалённый замок, где ей предстояло коротать свой век в одиночестве, только в отличие от сестёр не на небе, а под землёй. «Видать, даже мне не удастся провести старую Макошь! – грустно говорила она. – Кому как сплетёт она со своими помощниками, тому так и жить. Мне суждено было одиночество. А я пыталась вырваться из собственной судьбы. Глупо! И поделом мне! А счастья так и не узнала я. Померещилось оно мне на миг да и сгинуло... И, вот, я вновь одинока. И ещё более одинока, чем была бы дома, на Ирии...»

Велес изредка навещал свою мать Корову Земун и пас доверенные ему души. А его супруга Буря Яга, ещё более возвысившаяся с приходом к власти Вия, всё также днями пропадала в лесах, на охоте, была гневливой и вечно рассерженной.

Леля так и жила в своём золотом чертоге, весёлая и добрая ко всем. И самыми сладкими снами её были те, в которых она шла по широкому чистому полю, под синим земным небом, под руку со стройным светлокудрым юношей, который однажды явился в царство её отца, чтобы украсть золотое яблоко для любимой...

Илей и Аурика вернулись в родное Городище, где семья тёти Эрны встречала их, как героев. Другое отношение к себе встретили они в городе. Город словно обиделся на своего героя, что тот оказался жив, город осудил его за то, что он своим воскрешением испортил ему легенду. «Живой герой героем быть не может!» – вынес вердикт городской глава и отменил собственное постановление об установке памятника Илею. «Хороший герой – мёртвый герой!» – поддержал его верховный Волхв и отменил решение о канонизации Илея. Поэты немедленно перестали писать хвалебные оды, а иные не постеснялись даже написать эпиграммы. И только богатырь Игнафан появился однажды вечером на чердаке тёти Эрны и встал на колени перед Илеем, приведя его этим в ужас. Старого богатыря поднимали с колен всем семейством, утешая его и уговаривая не корить себя напрасно. Специально для него тётя Эрна приготовила праздничный ужин с лепёшками и домашней колбасой. С тех пор Игнафан поселился на чердаке, став почти членом семьи. Он ухаживал за тётей Эрной и дарил ей цветы, был трогателен и раним. Буслай иногда пенял матери сердито:

– Нашла ты себе, матушка, нахлебника! Приносит за свои бутафорские турниры гроши, а съедает больше всех нас вместе взятых.

– Зато он человек добрый! – отвечала тётя Эрна.

– Не будь злюкой! – говорила Таная брату.

– Я не злюсь! Я просто боюсь, что скоро на самом есть будет не на что! Жаль, сестра, что ты этого уразуметь не можешь!

– Не дерзи сестре! – кричал из своей кладовой Илей. – С голоду не помрём! Я уж позабочусь!

– Воровать опять будешь? – огрызался Буслай.

– А хотя бы и так! Но сначала я работать попробую. Буду на ярмарках сказки рассказывать да по канату ходить, а Аурика песни петь. Проживём!

Так они и жили. Через год Аурика и Илей поженились. Они и старый Игнафан, и приблудившийся к ним бродячий пёс вчетвером ездили по городам и весям, давая представления.

И люди валом валили на них и восхищались и сказками и искусными трюками Илея, и песнями Аурики, и даже Игнафаном с выдрессированным им псом. На этом, друзья, собственно, и кончается наша история... Может быть, четвёрка друзей и теперь где-то даёт свои представления. Кто знает!

Краткий словарь славянской мифологии

Сирин – райская птица (птица печали).

Алконост – райская птица (птица радости). Услышавший песни райских птиц лишается разума.

Могол – могучая птица тёмного царства.

Велес – бог скота, проводник в загробном царстве, сын небесной Коровы Земун.

Буря-Яга – супруга Велеса, хозяйка избушки, стоящей на границе двух миров.

Земун – небесная корова, наполняет своим молоком реку Ирия.

Вий – царь Пекла, сын Юши-Змея.

Волх – бог войны, сын Индрика-Зверя и сырой земли.

Горыня – трёхголовый змей, охраняющий подземное царство.

Грифон – птица-собака, охраняющая вход в Рипейские горы.

Параскея – змея, супруга Индрика.

Златогорка – великанша, первая супруга Дажьбога.

Юша-Змей – Чёрный змей, несущий землю.

Индрик-Зверь – царь тёмного царства, свергнут и убит своим сыном Волхом.

Род – прародитель всех богов, невидимое верховное божество, повелитель Вселенной.

Лада – супруга Сварога, богородица.

Сварог – бог-творец, небесный кузнец, правитель поднебесья.

Лея – дочь Сварога, богиня любви.

Жива – дочь Сварога, богиня жизни.

Марена – дочь Сварога, богиня смерти.

Хорс – бог Солнца.

Стрибог – бог ветра, урагана.

Дажьбог – сын Перуна, прародитель русского народа.

Семаргл – бог огня.

Перун – бог грозы и войны.

Макошь – мать жребия, вместе с подручными Долей и Недолей плетёт людские судьбы.

Смородина – река, пересекающая Тёмное царство.

Пекло – ад.

Сурица – солнечный напиток, напиток богов.

МЕЧ ИСТИНЫ

Глава 1. Легенда о чёрном Императоре

И солнце затмилось луною, и подули ветры по всей земле, точно неведомая сила дохнула из самых недр Вселенной, и среди жаркого лета вдруг прошёл снег, и в разгар метели грянул гром в тот час, когда в столице Фонсейской Империи, во дворце, у недавно овдовевшей Правительницы родился сын, наследник престола, Принц Румбольд. Дитя появилось на свет хворым, и придворные медики пророчили ему скорую смерть, но мальчик выжил, оставшись на всю жизнь хромоногим и уродливым...

После смерти матери Румбольд, коему было тогда ещё мало лет, вступил на престол. Не по летам вдумчивый, мрачный и жестокосердный, он быстро заметил, что его приближённые плетут интриги за его спиной. Боясь рано или поздно пасть жертвой обмана, принц обратился за советом к Великому Магу, слывшим первым мудрецом королевства.

– От лжи можно защититься лишь ложью, – проскрипел старик на вопрос юноши. – Заклучи договор с Ложью, присягни на верность ей, и она станет тебе лучшей защитой, ты будешь непобедим во веки веков!

– Я готов, – с лёгкостью согласился Румбольд. – Но где же мне найти Ложь?

– Ложь повсюду, мой мальчик. Она часто имеет личину правды, истины... Вот, именно там, где ложь обряжена в одежду истины, ты и можешь заключить договор с ней. Есть вблизи столицы пророк Анна. Когда-то давно он отрёкся от своих родителей, предал лучшего друга, бросил девушку, которая любила его, и сделался проповедником.

– Что же проповедует он?

– Услышишь, мальчик... А, впрочем... Он предрекает добру скорую кончину, а злу – победу, он велит со строгой мерой подходить ко всему, что люди считают добром, но, творя зло, о мере не думать, ибо зло внушает ужас, а ужас – раболепие. Тот, кто внушает ужас, побеждает! Так говорит он...

– И его слушают?

– О, да! Его считают провидцем и поклоняются ему... Сам Епископ целовал ему руку и признал в нём великого пророка! Там ты найдёшь ложь, когда она тебе нужна.

Не сомневаясь ни секунды, Румбольд отправился к пророку Анне. Высокий человек, сутулый и сильно напоминавший ворона, одетый в чёрный балахон с капюшоном, не позволявшим видеть его глаз, предоставляя встречным замечать лишь железные зубы во рту его и длинный, нависающий над верхней губой нос, встретил Императора словами:

– Я знаю, зачем ты пришёл.

– Для чего же?

– Ты ищешь Ложь.

– Да, пророк.

– В таком случае, ты нашёл её, ибо мне имя – Ложь. Ложь во мне, и я в ней. Я раб её и жрец, и язык!

– Я хочу договориться с Ложью, чтобы обезопасить себя от всех угроз.

– Проходи! – резко скомандовал Анна и, схватив Румбольда за плечо, повёл его в подвал своего каменного дома.

Подвал имел форму окружности, стены его были испещрены многочисленными надписями и чертежами. Кое-где стояли и весели чучела животных. В углу на медленном огне кипели разноцветные жидкости, налитые в стеклянные формы. Посреди этого странного помещения стоял стол, застеленный тёмной тканью, на нём находились бумага, чернила и перо, и острый нож. Над столом тускло светился подвешенный к потолку шар.

Анна подвёл Румбольда к столу и велел:

– Подай мне правую руку!

Император повиновался. Пророк взял нож и слегка рассёк ему руку, хлынувшую кровь он набрал в чернильницу и, окунув в неё перо, протянул его Румбольду:

– Возьми левой рукой и подпиши! – тотчас же перед Императором оказался жёлтый пергамент, испещрённый символами.

– Что это? – тихо спросил он.

– Договор. Подписывай!

Румбольд неуклюже поставил свою подпись.

– Свершилось! – прошипел пророк. – Теперь ты станешь Великим Лжецом! Великий Маг скоро умрёт... Ты займёшь его место наряду с троном. Ты станешь велик и непобедим! Никто не сможет одолеть тебя! Ибо ложь на твоей стороне, в тебе! Навсегда!

– Благодарю тебя, Ложь, – отозвался Румбольд.

Но Ложь не смогла спасти Императора от тяжкого недуга, напавшего на него вскоре после визита к пророку. Врачи признали болезнь смертельной... И Смерть не заставила ждать себя. Однажды ночью она, белая и печальная, распахнула окно и вошла в комнату Императора. Подойдя к нему, она опустила свою ледяную руку ему на лоб... Румбольд открыл глаза и произнёс едва слышно:

– Я договорился с Ложью... А нельзя ли договориться и с тобою, Смерть?

– Попробуй, – отозвалась Смерть.

– Что тебе нужно, чтобы ты отстала от меня навсегда?

– Замена тебе.

– Я должен казнить кого-то?

– Многих! Если я отойду от тебя, ты сделаешься моим вечным данником. А за невыплаченный долг нужно постоянно платить проценты, которые возрастают год от года.

– Ты ростовщица, Смерть, – заметил Император.

– Так что же мы решим?

– Если оставишь меня, я завоюю весь мир! Я не пощажу никого и ничего, и выжгу землю огнём. Я дотянусь до каждого уголка и сотру с лица земли каждого, кто встанет у меня на пути. Я посею ужас везде, и всякое сердце будет трепетать при моём имени, ибо оно станет равным твоему. У тебя не будет недостатка в жатве, Смерть! Клянусь!

– Ну, что же, до тех пор, пока ты будешь верным данной клятве, ты не умрёшь... – с этими словами Смерть покинула дворец и отправилась к Великому Магу, который, едва увидев её, саркастически усмехнулся и сказал лишь:

– Наконец-то! Всегда ждал получить свидетельство существования иных миров...

А Император выздоровел и, едва только смог держаться в седле, объявил о начале своего первого военного похода. И вскоре по всему миру разнёсся слух о жестоком и непобедимом завоевателе в чёрной маске и алом плаще...

Глава 2. Напутствие

Третий день в княжеском тереме тишина гробовая, и лишь горький плач нарушает её... Только месяц минул с той поры, как Князь Светодар с дружиной отправился в поход против Фонсейского Императора Румбольда, огнём и мечом истребившего княжество Северское и убившего его князя, брата Светодара. Провожала отца княжна Любава, долго шла подле коня его, держась за стремя, томясь горьким предчувствием. Наконец, нагнулся Светодар к дочери, поцеловал её крепко и сказал тихо:

– С Богом, дочка! Идём мы на дело святое, справедливое. Но, если случится так, что тьма окажется сильнее нас, и паду я в битве ратной, не кручинься долго, а заботься о княжестве нашем, найди себе в мужья человека достойного, чтоб его и тебя оборонить мог. Будь мило-стивой к людям и честной пред всем светом. А, если встанет пред тобою задача неразрешимая, поезжай к матери Фемари, что игуменьей в монастыре Ильинском. Мудра она и глас Божий слышать способна. Даст тебе совет добрый. До свидания, милая. Бог с тобою!

– Береги себя, отец! – отозвалась Любава, перекрестив князя.

Светодар погладил дочь по голове и тронулся в путь. Долго стояла княжна на холме и смотрела вслед удаляющейся дружине, молча глотая слёзы...

И была среда Страстной недели, когда Любава проснулась ночью, заслышав страшный грохот, точно что-то обрушилось. В страхе вскочила княжна, стараясь припомнить сон свой, и не смогла, помнила лишь, что снилось ей что-то очень страшное...

В пятницу же на двор княжеский упал израненный сокол и тотчас обратился в человека, в коем с трудом признали люди молодого лучника из дружины Светодаровой, Ферапонта. Зады-хаясь, поведал юноша о страшной битве князя с войском Румбольда, в котором погибла вся дружина его, а сам Светодар попал в плен. Тяжело израненный Ферапонт, преданный князю, обратившись соколом, из последних сил полетел в родные края, чтобы донести до них горькую весть. Двое суток летел он, не зная отдыха, орошая землю своей кровью, и всё же добрался до дома, чтобы на отчей земле погибнуть от тяжких ран...

Горько плакала княжна Любава, а в воскресенье отправилась в Ильинский монастырь, помня отцовский завет, и после службы бросилась в ноги игуменье. Мать Фемарь, маленькая старушка с лицом светлым и ясными, лучистыми глазами, подняла её и провела в свою келью.

– Сказывай горе своё, милая, – ласково кивнула она, коснувшись плеча Любавы своей сморщенной рукой, на среднем пальце которой княжна заметила странный перстень из про-стого металла, но очень тонкой работы: на нём неизвестным мастером был выплавлен образ юноши, разящего копьём чёрного змея.

– Отец мой взят в плен жестоким завоевателем, матушка. Уходя в поход, он велел мне в случае своей гибели сыскать мужа достойного и заботиться о нашем княжестве... Однако, он ничего не приказал на случай своего пленения. Как же мне быть, матушка? Не могу я искать супруга, зная, что отец мой жив и томится в неволе, и ожидает помощи! Я должна спасти его, но не знаю как...

– Ты, милая, не только родителя своего от мук избавить должна, но и всю землю нашу. Ибо, если сей завоеватель не будет остановлен, то придёт и в наше княжество, и во многие другие.

– Но как победить его, если ходит слух, что он непобедим? – спросила княжна.

– Единственное, что есть в мире непобедимого, – истина! С кем она придёт, тот одолеет всё. Знаешь ли ты, милая, что есть ложь? Ложь – яд. До поры до времени она как будто помогает тому, кто сделался её рабом, накапливаясь в его сердце, но, когда коснётся его меч истины, накопившаяся ложь станет ядом для самого лжеца, и изольётся в него, и отравит, и погубит.

– Но где же взять такой меч?

– Странницы сказывали мне, что подле стольного града Киева, в глубокой пещере живёт святой старец Илия. Дни и ночи проводит он в молитве и посте, редко допуская людей к себе. Он понимает язык птиц и животных, он видит то, что не может узреть ни один смертный, он исцеляет больных... В нём – истина. И всё, чего касается он, освящено. Подле пещеры его течёт живительный родник. Очень-очень давно сей старец был богатырём, о котором славились легенды. Его меч не знал поражений. Меч этот и по сей день у него. Сей меч и есть Меч Истины... Но учти, милая, истина тяжела для того, на ком грех есть. И, чем грехов больше, тем неподъемнее для человека меч этот. Лишь праведник может владеть им в совершенстве.

– Спасибо тебе, мать Фемарь! – поклонилась до земли Любава. – Я отправлюсь в Киев и найду старца. И мой отец будет спасён!

– Помоги тебе Господь, милая! – ответила игуменья, осенив княжну крестным знаменем.

– Только... – княжна задумалась. – На кого же оставлю я княжество? Ведь время трудное пришло. Люди растеряны и места не найдут от дурных вестей. Как же быть?

– Вера нужна, милая. Людям нужна вера. Лишь она даёт силы на жизнь, труд, на великие подвиги.

– Мудра ты, матушка! И слова твои – золотые. Только люди не слышат их.

Игуменья обняла и расцеловала Любаву в обе щёки и сказала:

– Ступай в Киев-град. А о княжестве не печалуйся. Я и все инокини наши позаботимся о нём, а Пресвятая Богородица всех нас своим платом укроет от беды!

Глава 3. Слепой гуслир

Весна набирала силу с каждым днём, но ни одна весна не была ещё столь печальной, сколь эта. Казалось, даже птицы поют как-то по-другому, грустно, надрывно. И ниже обычного поникли всегда тоскующие о чём-то ивы над любимым прудом Любавы. Не играли, не смеялись дети, а женщины ходили в чёрных одеждах с лицами, посеревшими от горя.

– Ох, Любавушка, страшно как нынче-то! Надо в поля идти работать, а некому. Бабы-то одни много ли напашут? – вздыхала старая няня княжны Евфросинья, сидя за вязанием у окна. – Разве что так слезами своими землю-матушку умилюют, что урожай она даст... Ещё бы и солнце задобрить. Осенью прошлой небо-то красное-красное было – к большим бедствиям это. Старики говорят – засуха этим летом будет. Пропадём тогда, золотая моя. Сгинем, как не было. Земле без хозяина, как вдове... Не будет плода от неё. И что ж тогда? Кореньями да мхом питаться... А детишки-то как? Их жаль! Я-то, старуха, век свой прожила, а они? В тяжкие годы мужают... А что-то впереди? И того страшнее.

– погоди ты, няня, панихиду петь, – отозвалась Любава. – Перед зарёй, сама сказывала, всегда особенно черно бывает. Вернётся отец – всё и наладится.

– Да вернётся ли?

– Вернётся, няня. Непременно вернётся! А, покуда нет его, грех нам духом падать, грех руки опускать. Надо слёзы утереть да работать изо всех сил.

– Кому? Старикам, бабам да сиротам малолетним? Ведь у нас же бабье княжество теперь...

– И что? Или мы не сила? Или мы хотим, чтоб нашим мужьям, братьям, отцам совестно за нас было?

– Верно ты говоришь, дочка. Отец бы тобой гордился, – грустно улыбнулась Евфросинья.

Внезапно откуда-то послышался звон гуслей. Чьи-то необычайно искусные руки касались струн, и те пели на разные лады чудную песню, какой Любава никогда не слышала. Княжна подошла к окну и увидела недалеко от терема высокого, красивого юношу, игравшего на гуслях. Он был одет очень бедно, рядом с ним, прислонённая к забору, стояла длинная клюка. Огромные глаза гуслира, неестественно расширенные, смотрели в одну точку.

– Видать, слепой, – покачала головой няня. – Жалко-то как! Ведь молодой совсем...

– Вели впустить его в дом, накормить, истопить для него баню. И денег дай ему. Оставь на ночь и выпроси, куда и зачем путь держит. Потом расскажешь мне, – велела княжна, отходя от окна.

– Хорошо, Любавушка, – заспешила Евфросинья. – Доброе сердечко у тебя! Золотое!

Едва няня ушла, княжна отправилась в людскую и стала будить крепко спавшую у печи свою прислужницу Глашу. Девушка протёрла слипшиеся от долгого сна глаза и стала быстро оправлять косу, оправдываясь:

– Извините, барышня: всю ночь в церкви была... Сморило!

– Ничего, – остановила её Любава. – Мне, Глаша, помощь твоя нужна.

Девушка изумлённо захлопала глазами:

– Что же я могу?

– Раздобудь мне нынче же платье мужское. Крестьянское. Поняла?

– Господи, зачем это вам?

– Какое тебе дело, Глаша? Ты мне должна служить. Так исполняй, что велено!

– Слушаю, барышня, простите.

– Вот, возьми гостинец за работу, – княжна протянула девушке свой перстень.

– Спаси Господи, барышня! – обрадовалась Глаша, кланяясь княжне, и тотчас надела перстень, который налез ей только на мизинец.

– Только учти, Глаша, одежда должна быть у меня уже ночью! – предупредила Любава.

– Не извольте беспокоиться – всё сделаю, – кивнула Глаша и убежала.

Княжна вернулась в свою горницу и стала ждать возвращения Евфросиньи. Однако, прежде неё явилась раскрасневшаяся Глаша, неся в руках большой узел.

– Вот, барышня, – бухнула она ношу на пол. – Это брата моего одежа. Того, который пять лет тому назад в реке утоп. Мальчик совсем был, так что вам, барышня, велико не будет.

– Спасибо, хорошая моя! – поблагодарила Любава. – Я этой услуги твоей не позабуду.

– Да что уж там! – опустила глаза Глаша. – Мне идти можно?

– Ступай, – кивнула княжна.

Няня вернулась лишь, когда начало темнеть, неся кувшин молока и тарелку со свежими пирожками.

– Сама лепила: как ты любишь, – улыbnулась Евфросинья, ставя их на стол.

– Спасибо, нянюшка, – откликнулась Любава. – Какие вести принесла?

– Принесла, родная, принесла, – няня села к окну, устало снимая с головы платок. – Мать Фемарь сестёр монастырских отправила в поля – помогать нашим вдовам да сиротам. И сама говорила с ними, утешала, научала.

– Послушали её?

– Так как иначе-то? Двух человек в нашем княжестве пуще всех чтят – князя и игуменью. Как же не послушать её? Эх, ночь-то какая звёздная! – вздохнула Евфросинья. – Ты бы спать ложилась. Хочешь сказку скажу тебе? Как в детстве, помнишь?

– Помню. Я твои сказки, няня, наизусть помню. А что человек тот, гусяр? Накормили ли его, устроили?

– Да, родная, всё, как ты велела. Я его в людскую хотела, а он заартачился. Там, говорит, люди. А я один быть привык. Попросил, нельзя ли в амбаре заночевать. Я и разрешила. Сказал, о нём не беспокоиться. С первыми лучами, говорит, поднимусь и в путь тронусь. Я удивилась: как же ты, говорю, бедовый, поймёшь, когда те лучи зардеются, когда ты окромя мрака ничего не видишь? А он отвечает: оком не вижу, а душой чувствую. Всё, говорит, чувствую и на гусях прочувствованное играю... Представляешь? Жаль как его! Такой красивый юноша, тихий, ласковый...

– А куда же путь он держит?

– Ищет он какого-то старца, который будто бы людей исцелять молитвою властен. А живёт кудесник сей аж подле самого Киева-града. Туда, стало быть, и идёт. Ты кушай пирожки-то, кушай.

– Да, спасибо, – задумчиво кивнула Любава. – Ты ступай спать, няня. Хлопотала весь день – умаялась.

– И то сказать – в сон клонит, – согласилась Евфросинья. – Спокойной ночи, родная!

Евфросинья перекрестилась и ушла.

– Судьба, – прошептала Любава. – Сам Господь послал мне этого человека, чтобы идти в Киев.

Выпив молоко, княжна завязала пирожки в узел и достала из сундука мужское платье, принесённое Глашей: штаны, лапти, рубаха, зипун да шапка – всё ветхое, но зато подходящее по размеру. Переодевшись, Любава достала из шкатулки ножницы и, глубоко вздохнув, обрехала свои чудные русые косы, а затем извлекла из шкатулки заранее приготовленное письмо няне и пробежала его глазами:

– Не пройдёт и года, как я возвращусь вместе с отцом. Не падайте духом, не плачьте и ждите нас! Мать Фемарь всё знает. Она благословила меня. Слушайте её!

Положив письмо на подушку, Любава взяла отцовский лук со стрелами, узелок с пирожками и, поклонившись образам, выскользнула из горницы...

Глава 4. Странники

Ночь была тихой и светлой. Звёзды водили хоровод вокруг задумчивого месяца. Спал княжеский терем, спало княжество, измученное горем и уставшее от трудов. Никто не видел, как какой-то крестьянский мальчик проскользнул в амбар.

Любава нерешительно остановилась на пороге, напряжённо вглядываясь в темноту. Наконец, она разглядела сидевшего на полу юношу. Рядом с ним лежала его клюка, плащ и гусли. Юноша не спал, и синие глаза его были широко раскрыты.

– Кто здесь? – спросил он тихим, глуховатым голосом, заслышав шаги Любавы.

– Это ты в Киев-град идёшь? – спросила княжна.

– Верно. Откуда знаешь?

– Слухами земля полнится.

– Кто ты?

– Меня Феодором зовут. Мамка моя да батя померли, а я с сестрою и бабушкой остался... Да, вот, захворала она. Скажи, верно ли сказывают, будто подле Киева старец живёт, который всякую хворь исцелить может?

– Сказывают люди... А верно ли, Бог весть!

– Ты к нему ведь путь держишь?

– К нему, коли дойду, и коли люди не врут о нём.

– А как же ты до Киева дойдёшь? Ведь ты ничего не видишь. А путь неблизкий, тяжёлый.

– Правду ты говоришь. Я год уже иду. Вначале был у меня спутник. Немой. Тоже исцелиться хотел. Да однажды волк на нас из лесу выскочил...

– И что же..? – испугалась Любава.

– Да не бойся! Друг мой волка того, как увидел, так от страха смертного дар речи обрёл. Так завопил, что и зверь заробел да в лес убежал. Провёл он меня до ближайшей деревни, а там женился на пригожей девушке... А я один пошёл. Подаяние просил, на гуслих играл. Где-то кто-то подвозил, где-то провожал. Так и досюда дошёл.

– А давай я тебе провожатым буду! Мне тоже зело в Киев нужно! Может, старец тот бабушке моей помочь сможет?

– А её ты как же оставишь?

– Так с сестрою. Ещё тётка есть у нас. Помогут. Возьми меня с собой, добрый человек! Я обузой не буду. Я из лука стрелять умею, петь... Вместе мы не пропадём и точно найдём этого старца. Возьми!

– Ну, что с тобой поделаешь? – пожал плечами слепой. – Идём.

– А как твоё имя?

– Кирилл, – гуслир чуть улыбнулся. – Сейчас светать будет: пора трогаться в путь.

– Да вроде темно ещё...

– А через пять минут первый луч появится, – слепец нащупал палку, поднялся, накинул плащ, взял гусли и узел со снедью, данный ему по указанию княжны, и в этот момент на горизонте блеснул первый робкий луч...

Через минуту Кирилл и Любава, державшая его под руку, уже шли по дороге, ведущей в Киев-град, с которым оба связывали все свои надежды...

– Скажи, – заговорила княжна через некоторое время, – откуда ты держишь путь? Живы ли твои родители, и кто они?

– Путь я держу издалека, из тех земель, где полгода солнце стоит в зените, и столько же длится непрерывная ночь. Княжество наше богато и могущественно. Отец мой был знатного рода. Он приглашал для меня учителей, которые, несмотря на мой недуг, обучили меня гра-

моте, языкам и счёту. Но однажды отец уехал на охоту и не вернулся... Мать год тосковала по нему, а потом вышла замуж вновь, так как была ещё молода и, как говорят, красива. Её супруг был купец, человек суровый, недавно овдовевший и имевший двоих взрослых сыновей. Скоро у них с матушкой появилась дочь, моя сестра. Новой родни я дичился и всё время коротал в людской, где подолгу гостили у нас странники и странницы, чьи рассказы были для меня единственным развлечением. Один из странных людей, гусяр, обучил меня своему искусству... Единственный человек, с которым я сблизился, был сын старой няни купеческих сыновей. И, хотя он был нем, а я слеп, мы понимали друг друга, у нас был свой особый язык... Чем старше становился я, тем горше представлялась мне моя участь. У всех, у всего кругом меня своё дело было, и во всех, во всём была кому-то нужда, и лишь я казался себе лишним на этом белом свете, белом свете, на котором я был осуждён созерцать лишь мрак! Конечно, обо мне заботились, жалели... Но эта жалость была нестерпима мне. Я чувствовал себя чужим всем. И, поверишь ли, до того подчас горько мне становилось, что хоть головой в омут... В это-то время забрела к нам странница и поведала о некоем старце, бывшем богатыре, а ныне отшельнике, живущем в пещере подле Киева, который любую хворь исцелить может. Я не сомневался и не раздумывал ни секунды! И той же ночью мы с моим другом отправились в путь... – Кирилл споткнулся, и Любава крепко стиснула его руку.

– Какая странная у тебя рука, – заметил гусяр.

– Почему? – пожала плечами княжна.

– Очень маленькая и нежная. Для крестьянского отрока – необычная рука...

Позади путников послышался скрип повозки. Любава оглянулась. Какой-то мужичок с крупным, красным носом вёз сено, лениво погоняя невысокую, грустную лошадку.

– Куда идёте, калики перехожие? – окликнул он.

– В Киев-град, дядя! – ответила княжна.

– Далече... – протянул мужичок. – Ну, дотудова я вас, вестимо, не подвезу, а до ближайшей деревеньки могу подкинуть. Сено у нас, видите ль, закончилось, так пришлось в соседнее село ехать – выменивать. И всего-то чуть-чуть не хватило – уж ведь трава молодая подниматься начинает! Обидно. Зима в этом году лютая была – вот, трава и запоздала... Одному-то мне скучно ехать. А вы хоть песней мне душу потешите!

– Спасибо, добрый человек, – поклонился Кирилл.

– Меня Игнатом звать, – улыбнулся в усы возница. – Садитесь, ребяташки, чего уж!

Кирилл и Любава сели на край телеги, и Игнат тронул лошадь:

– Ну, пошла, родимая!

– А далеко ли деревня? – спросила княжна.

– К вечеру будем, сынок.

Любава посмотрела на небо, по которому бродили пушистые, похожие на цветки клевера, облака, и с наслаждением вдохнула сладкий аромат сена.

– Как бы я хотел видеть небо, – произнёс Кирилл. – Говорят, что оно синие... А я даже не знаю, что это значит.

– Синее, – подтвердила княжна, – как глаза твои...

– Вы бы, ребяташки, спели что-нибудь, – попросил Игнат. – Моя лошадка любит, когда поют. Она тогда и бежит резвее.

– Ты запевай, – сказал Кирилл Любаве, – а подыграю тебе.

Княжне вспомнилась песня, которую не раз пела ей в детстве Евросинья, и она завела её своим высоким, звенящим голосом.

– Эх, хорошо-то как! – воскликнул Игнат, утирая выступившие слёзы, когда Любава закончила. – Потешили душу, ребяташки! А голос у тебя, сынок, ангельский. Тебе бы в Киеве, в Лавре певчим быть!

– Голос и впрямь необыкновенный, – заметил Кирилл. – Много я голосов слышал, а такого нет... Чистый он у тебя, как колокольчик. Редкий отрок таким голосом обладает.

– Юн я просто, – ответила на это Любава.

Кирилл опустил голову на сено и задремал. Телега миновала редкий перелесок и выехала в широкое, ещё сплошь чёрное поле, по которому важно, в перевалку расхаживали такие же чёрные грачи.

– Прилетели стервецы, – улыбнулся Игнат. – Тоже, заметьте, с запозданием. Эх, худой нынче урожай будет, помяните слово. Озимые-то перемерзли все, а сеять теперь только начать можно стало... О-хо-хо, и хлебнём же лиха!

Но Любава уже не слышала его, крепко заснув и не заметив, как голова её склонилась на плечо Кирилла...

Глава 5. Ночлег

Солнце уже садилось, и уходящие лучи его напоследок окрасили небо в сиреневые тона, когда впереди зачернели невысокие избы, и потянуло дымом и запахом человеческого жилья. Телега минула околицу, и тотчас к ней с лаем кинулись несколько собак.

– Пошли отсель, пошли! – хрипло гаркнул на них Игнат, и собаки послушно отступили.

Любава проснулась и огляделась по сторонам. Деревня была небольшая – всего несколько домов. Слышно было, как поблизости густо мычат коровы. Игнат прошёл на ближайший двор и вскоре послышался его дребезжащий голос и чей-то сиплый бас. Княжна потянулась и зевнула.

– Выспался? – чуть улыбнулся Кирилл.

– Да, спасибо, – ответила Любава.

– Какие у тебя мягкие волосы... И цветами пахнут...

– Бабушка моя цветы полевые сушила и в подушку их лепестки складывала... – соврала княжна.

Возвратился Игнат и, похлопывая хлыстом по ладони, сказал:

– Собирайтесь, соколики! Сейчас пойдём ко мне в избу, повечеряем, чем Бог пошлёт, и спать!

Изба Игната находилась тут же, напротив. Возле неё путники наткнулись на рослого, нечесаного детину в рваной рубаше. Взглянув на них, он дико завопил и убежал. Любава вздрогнула.

– Не бойся, сынок, – усмехнулся Игнат. – Это Никишка наш, дурень...

– А отчего он нас так испугался.

– Да он, вообще-то, несчастный парень... Пройдёмте в избу – за ужином расскажу вам про него. Ты, гусяр, поосторожнее. Ступеньки у меня – расшибёшься, чего доброго.

Изба Игната была пустой и несколько неухоженной: чувствовалось, что нет в ней хозяйки. А без хозяйки и дом не дом. Игнат затеплил лучину и, смутившись, произнёс:

– Вы уж не взыщите, ребятушки, что не прибрано. Я ведь один живу – недосуг всё... И попотчевать мне вас толком нечем. Разве вот, грибочков солёненьких да сухарей... С утра-то молоко будет да яички, а пока...

– Да не переживай, дядя, – улыбнулась Любава, разворачивая свой узел с пирожками. – И у нас кое-что к столу припасено!

– Вот, это дело, – обрадовался Игнат. – Вы садитесь к столу, а я покуда печь истоплю да про Никишку вам расскажу.

Княжна разложила на столе всю снедь, что была в доме, а хозяин тем временем развёл в печи огонь.

– Ну, слушайте, ребятушки, – начал он, запихивая в рот пирожок. – Никишка у нас всегда дурачком считался. Ничего-то нельзя ему поручить было! Пастухом пошлешь – корову потеряет. Плотничать заставишь – инструмент ломает. И к труду нерадив был, ледащий какой-то... Только на девиц зело заглядывался! Вот, однажды, послали мы его в лес по грибы, по ягоды. В лесу-то, чай, ничего не натворит. Шёл Никишка по лесу, шёл, собирал-собирал, вдруг видит: сидит пред ним на пне девица красоты неописанной и, грешно сказать, почти нагая! Срам один, ребятушки! Сидит и руками-то манит Никишку. Бросил он лукошко и айда за нею! Он за ней – а она от него. Только смеётся-тешится над ним. А тут сёстры её объявились и стали вокруг него хоровод водить. Только чуть он к которой руки протянет – исчезает. То лесовухи, значит, были. Очень опасные они для нашего брата! Закружили они Никишку да исчезли. А дорогу-то потерял он! Сорок дней плутал по лесу, по болотам, одними кореньями да клюквой спасался. Так и помешался... Теперь, как девицу завидит, так вопит и прочь убегает...

– А от нас-то он почему побегал? – удивился Кирилл.

– Да уж больно провожатый твой собою пригож, – улыбнулся Игнат. – Точно херувим. С него б лики в церквах писать! Чисто дева красная!

Любава зарделась и опустила глаза.

– Ну-ну, не обижайся, сынок, – махнул рукой Игнат. – Вот, вырастишь – наплачутся по тебе девицы, помани моё слово.

Месяц заглянул в окно и озарил всё синеватым светом.

– Поздно уже. Спать пора. Вы, гости дорогие, на полатах устраивайтесь, а я уж на печи кости погрею, – сказал хозяин и полез на печь.

Ночью княжна не сомкнула глаз. Едва стала засыпать она, как услышала в избе шорох и шуршание. Любава со страхом стиснула руку Кирилла.

– Что с тобой? – проснувшись, спросил он.

– Здесь мыши... – прошептала княжна.

– Ну, и что? Мышей в пору девицам бояться! И потом, что же, в твоём доме не было мышей?

– У нас изба чистая была. И в ней кот жил... – дрожащим голосом ответила Любава.

Кирилл рассмеялся:

– Не бойся! Мышь не самое страшное животное. Они тебя не съедят. Тем более, что они внизу, по полу бегают... Да и я же рядом. Спи!

Но уснуть Любаве так и не удалось. Всю ночь просидела она, обхватив руками колени и глядя на тонкое лицо безмятежно спящего Кирилла.

Едва пропели петухи, на печи зашевелился Игнат. Вскоре на столе уже был обещанный им завтрак.

– Вы уж теперь дальше тронетесь, али погостите ещё? – спросил хозяин.

– Пойдём, дядя, нам времени терять нельзя, – ответила Любава.

– Тогда возьмите на дорогу: соседка угостила, – с этими словами Игнат протянул княжне большой каравай. – А то я ведь вчера все почти пирожки ваши умял... Берите-берите, не обижайте. До ближайшего-то села не один день вам идти. Да всё по лесам! Берегите себя, ребятушки. Скатертью вам дорога!

Кирилл и Любава поблагодарили хозяина за приют и угощение и, простившись с ним, тронулись в путь.

Глава 6. В лесу

День сменяла ночь, а ночь – день, и так раз за разом, а лес всё не кончался, а лишь становился гуще и непроходимее. Тяжко было идти Кириллу по кочкам да кореньям, и не раз подумал он, что, верно, пропал бы, кабы не проворный проводник его. Припасённая снедь окончилась, и усталые путники питались лишь тем, что удавалось добыть княжне в лесу. Да много ли есть в нём в это время года? Однажды увидела Любава медведицу, бурую, косматую, прицелилась было, да опустила лук, увидев позади неё двух медвежат. Медведица присела на задние лапы и вдруг сказала человеческим голосом:

– Пожалел ты нас, охотник: спасибо тебе! А, чтобы с голоду вам не пропасть, сотворю я тебе диво-дивное. Возьми у спутника своего клюку его.

Кирилл протянул княжне свою клюку.

– А теперь, – продолжала медведица, – воткни её в землю поглубже да сказывай так: была палка засохшая, а стало древо плодоносное!

Княжна воткнула клюку в мягкую землю, сказав нужные слова, и ахнула: клюка обратилась в деревце, на коем, помимо фруктов да орехов, росли постные хлебные лепёшки...

– Как откушаете, так деревце выдерните – оно обратно клюкою станет. Только слов волшебных не позабудьте! – сказала медведица и ушла со своими детёнышами в лес.

– Спасибо! – крикнули ей вслед Любава и Кирилл.

– Ну, теперь-то мы с голоду не пропадём, – обрадовалась княжна, срывая с дерева лепёшку и протягивая её Кириллу.

И снова тянулись нескончаемой вереницей похожие друг на друга дни. В лесу распускались первые нежные и хрупкие ландыши. Княжна иногда срывала их и с наслаждением вдыхала тонкий аромат.

– Ты любишь цветы? – спросил Кирилл.

– Матушка моя очень любила ландыши, и у нас в доме по весне всегда букеты были. Эти цветы мне о ней напоминают...

– Ты словно оправдываешься, – улыбнулся гуслар. – Отчего? Ведь и я цветы люблю.

В один из дней дорогу путникам преградила бурная река с высокими крутыми берегами. Через реку было переброшено уже порядком подгнившее бревно.

– Вот, и пришли... – приуныл Кирилл. – Многому научился я делать, не видя, но пройти по бревну над рекою не доводилось.

– погоди, что-нибудь придумаем, – отозвалась Любава. Достав крепкую верёвку, она привязала один конец её к стоявшей на берегу, прямо возле «моста» сосне, а второй – к стреле, которой выстрелила в стоявшую на другом берегу ель: таким образом, верёвка оказалась натянутой над бревном, образуя своеобразный поручень.

– Сейчас я перенесу наши вещи на тот берег, а затем вернусь за тобой, – сказала Любава Кириллу. – Переправимся как-нибудь! Ведь ты уже большую часть пути прошёл: неужели сдашься теперь?

– Не сдамся, – твёрдо ответил Кирилл.

Княжна с самого детства отличалась не только удивительной красотой, но завидной ловкостью. Её отец мечтал о сыне, но, не имея одного, преподавал дочери науки, нужные более молодцу, нежели девице. Научил он Любаву в седле держаться, как настоящий богатырь, из лука стрелять без промаха, даже азы рукопашного боя передал ей. Девочкой княжна с удовольствием участвовала в играх крестьянских детей, и не всякий мальчик мог сравниться с ней в ловкости: Любава, подобно белке, легко взбиралась на самые высокие деревья и потешалась над попытками преследователей снять её оттуда. Все эти навыки теперь оченьгодились

княжне. Проворно перетаскала она на другой берег всю бывшую с ними кладь, а затем вернулась к Кириллу.

– Обмотай один конец верёвки вокруг пояса, другим – обвяжу я себя, – сказала княжна, подавая своему спутнику новую верёвку. Я первым пойду, а ты сразу же за мною. Аккуратно скользи по бревну, держась обеими руками за натянутую сверху верёвку.

– Очень ли высоко там? – спросил Кирилл.

– Нет, совсем нет... – слукавила Любава, не желая пугать друга.

Вдвоём двинулись они через бурную реку. За предыдущие переходы, княжна изранила о верёвку свои нежные руки, но молчала, стараясь не замечать боли. Внизу грозно рокотали, пенились волны, точно хохотали над смельчаками, решившими бросить им вызов. Любава уже ступила на берег, когда услышала пронзительный крик Кирилла. Оступившись, он повис над рекой, в последний миг уцепившись руками за берег. Княжна, связанная с ним одной верёвкой оказалась тотчас повержена на землю, повиснув над обрывом, она мёртвой хваткой вцепилась в друга, пытаясь удержать его. Берег был крут, и Кирилл неудержимо скользил вниз, тая за собой и Любаву.

– Отпусти меня, – прохрипел гусяр. – Слышишь? Брось меня! Ведь я утяну тебя на дно!

– Одна у нас дорога с тобою, – сквозь зубы отозвалась княжна. – В Киев – вместе, и на дно – вместе.

По небу летела стая белых лебедей, возвращавшаяся с зимовья в родные края.

– На помощь! – отчаянно закричала Любава, чувствуя, что силы оставляют её, и вот-вот её и Кирилла поглотит пучина.

Два лебедя отделились от стаи и стали, кружа, спускаться вниз. Между тем, силы оставили повисших над рекой друзей, и они сорвались в пропасть. Любава в ужасе зажмурила глаза, но вдруг почувствовала, что какая-то сила подхватила их и поднимает вверх. Это были лебеди. Прекрасные птицы клювами поймали несчастных и осторожно опустили их на берег, после чего вновь взмыли в небеса, догоняя удаляющуюся стаю. От испуга и усталости княжна расплакалась. Она плакала, не сдерживаясь, навзрыд. Кирилл некоторое время сидел молча, затем обнял Любаву и сказал тихо:

– Ну, успокойся, милая девушка, всё уже позади... Спасибо, что спасла мне жизнь.

Княжна вздрогнула и, быстро утерев слёзы, спросила:

– Почему ты обратился ко мне так? Ведь я...

– Не надо лгать больше. Ложь никогда не красит человека. С самого начала я подозревал: и руки, и голос, и этот несчастный помешанный... Но, когда я услышал твой плач, сомнения мои рассеялись. Так может плакать только женщина. И только женщина, столь мужественная в момент опасности, миновав её, теряет самообладание и не может сдержать слёз...

– Ты прав, – вздохнула Любава. – Прости меня: я тебя обманывала.

– Зачем?

– Боялась, что, если скажу правду, то ты, пожалуй, не возьмёшь меня с собой. А мне в Киев нужно! До того нужно, что и сказать нельзя...

– Кто же ты такая будешь? И что у тебя за нужда в том старце?

– Я дочь князя Рославльского Светодара, княжна Любава.

Кирилл удивлённо приподнял брови:

– Княжна? И ты решилась одна отправиться в такой тяжёлый и полный опасностей путь?

– У меня, как и у тебя, нет иного пути! Отец мой томится в плену у жестокого императора Румбольда, который хочет завоевать всю нашу землю! И только старец Илия знает, как победить его. У него хранится меч, называемый Мечом Истины, который один и может сразить злодея.

– Я наслышан о князе Светодаре и благодарен Богу, что привёл мне встретиться с его дочерью. Я приклоняюсь перед твоим мужеством, княжна, и сожалею лишь об одном: что столь мало могу помогать тебе в твоём деле.

– Ты уже помог, – улыбнулась княжна. – Без тебя я, быть может, не одолела бы этого пути.

– Как жаль, что я не могу видеть твоего лица. Я бы очень хотел его увидеть. Увидеть небо, солнце и твоё лицо.

– Ты обязательно увидишь всё! Я уверена! – с чувством сказала Любава.

– Дай Бог! Не будем же терять времени. До захода солнца осталось ещё несколько часов, – решил Кирилл, поднимаясь с земли.

Глава 7. Легенда о Кулёме-разбойнике

Лес начал редеть, и среди хвойных деревьев то и дело стали мелькать берёзы, осины и даже дубы. Наконец, глазам путников предстала просторная опушка, посреди которой раскинулся удивительных размеров дуб.

– Какое чудесное дерево! – восхитилась Любава.

– А что с ним такое?

– Громадное оно, и ветви почти до земли спускаются. Царь-дуб!

– Царь-дуб, говоришь? Значит, мы на верном пути. Мне о нём одна странница сказывала... Будто когда-то очень-очень давно это место облюбовали себе разбойники.

– Разбойники?

– Да. Но это давно было. Теперь их уже здесь нет.

– Раз нет, тогда предлагаю заночевать здесь, – Любава подошла к дубу и, сложив в кучу хворост, который стала собирать по пути к ночлегу, стала разводить костёр. Кирилл воткнул в землю свою клюку, прошептав волшебные слова, и она вновь обратилась деревцем с лепёшками и фруктами.

Совсем скоро стемнело, и на небо взошла полная луна, осветив своим ледяным мерцанием всю опушку. Вдруг ночную тишину пререзал протяжный вой.

– Это же волки, – охнула Любава.

– Волки, – спокойно кивнул гусяр.

– Ты не боишься их?

– Нет. Я ни одного зверя не боюсь.

– Почему?

– Зверь меня не тронет. Одна добрая странница наложилла на меня оберег от дикого зверя.

– Хорошо тебе. Но у меня-то такого оберега нет... Вдруг меня волк съест?

– А ты полезай на Царь-дуб и ночуй на нём, – посоветовал Кирилл.

– Хорошая мысль, – одобрила княжна. – Я, пожалуй, так и сделаю.

Любава легко вскарабкалась на дерево и, удобно устроившись в его ветвях, стала смотреть на луну. Через некоторое время она перевела взор на Кирилла и заметила, что он не спит. Княжна склонилась с ветви и окликнула его:

– Отчего ты не спишь?

– Нынче полнолуние, не так ли? Мне всегда не спится, когда полная луна.

– Странно... Мне тоже совсем не хочется спать. Хотя раньше я в это время уже седьмой сон смотрела...

– Счастливая! Ты можешь видеть сны... А мне никогда ничего не снится, кроме тьмы. Вообще, я люблю ночь больше, чем день. Ночью темно, и все люди видят не многим больше, чем я. Но они не привыкли к темноте, и потому я становлюсь даже ловчее их...

– Ты говорил, что здесь раньше жили разбойники?

– Странница сказывала...

– А что ещё она говорила? Расскажи, пожалуйста, – попросила Любава.

– Это длинная история. Но, если хочешь, слушай. Я её слово в слово запомнил... Когда-то, в глухом лесу, жила шайка разбойников. Был у них молодой атаман по прозвищу Кулёма. Жил атаман в ветвях великого Царя-дуба, был он ловок, хитёр, силен и собою хорош. Время от времени шайка совершала набеги на ближайшие сёла. Не раз пытались поймать её, но Кулёма умел уходить от погони, словно исчезал без следа. Однажды напали разбойники на богатую деревню: многие дома пожгли, иных людей насмерть поубивали... Разошлись разбойники по избам добро выносить, а Кулёма верхом на вороном коне, в алом кафтане да сапогах,

по деревне разезжает, ус чёрный покручивает, глаз вороний шурит. Вдруг видит на крыльце плохонькой, бедной избёнки сидит девочка и плачет. Подъехал к ней Кулёма:

– Что ты плачешь? – спрашивает. – Али испугалась меня?

– Нет, – отвечает девочка, поднимая на него ясные свои очи. – Я тебя не боюсь. Жалко просто...

– Кого? Тех, что орлы мои побили?

– Нет, не их... Они нынче в раю и счастливы.

– Кого же тогда? – удивляется разбойник.

– Тебя, – кротко отвечает девочка. – Несчастный ты... Такой несчастный, что и смотреть на тебя больно, – и снова плачет.

Вздрогнул разбойник от этих слов, свистнул своих головорезов, стегнул коня вороного и был таков.

С той поры минуло более десяти лет. По-прежнему жили разбойники у Царя-дуба, совершали набеги на ближайшие сёла, прохожих грабили. Однажды проезжал обоз через те места. Напали на него разбойники: одних насмерть убили, другие бежали от них. А всё, что в обозе было, доставляют Кулёме-атаману. Смотрит Кулёма, а в обозе девица красоты неписанной сидит и смотрит на него глазами кроткими, ясными. Оторопел Кулёма, увидев её, смотрит и оторваться не может. Отвёл он пленницу в своё логово, усадил на ковры награбленные, бросился на колени перед ней и говорит:

– Полюбил я тебя, дева красная! Всё для тебя сделаю: в шелках ходить будешь, на золоте есть! Ни в чём нужды знать не будешь! Стань моею женой!

Только заплакала девица, слышав те слова.

– Отчего ты плачешь? – спрашивает атаман. – Али боишься меня? Не бойся! Зла тебе я не причиню!

– Я не боюсь тебя, – отвечает красавица.

– Отчего же плачешь тогда?

– Жалко...

– Кого? Тех, что люди мои побили?

– Нет... Их души в раю теперь и счастливы...

– Кого же?

– Тебя! – отвечает девица. – Несчастный ты! Такой несчастный, что сердце кровью обливается!

– Отчего ты взяла, что я несчастлив? У меня всё есть! – спорит атаман.

– Что у тебя есть? Золото? Завтра придут иные и отнимут его! Меха, шелка? Так недолго их век! Что есть у тебя? Всё твоё добро тленно. А разве подлинно то богатство, которое тленно? Нищ ты, атаман... И глаза у тебя несчастливы! А в глазах душа отражается. Страшные у тебя глаза, горькие... Накопил ты тлена, а нетленное потерял.

– Что тебе ведомо обо мне, что ты обо мне судишь?

– Счастливый человек никогда не делает зла другому. Ибо он счастлив. Зло причиняет тот, у кого душа не на месте. Ему худо оттого и он мстит всем... Счастливому мстить не за что. Плохо тебе, и ты свою нестроенность вымещаешь на невинных, но слёзы и кровь их оседают в твоей душе, убивая её. Жаль мне тебя, Кулёма...

– Значит, не будешь ты мне женою? – спрашивает разбойник.

– Не буду. Если б оставил ты зло и стал снова человеком, то пошла бы за тебя. Чтобы помочь тебе, пошла бы. Но нельзя исцелить того, кто не желает быть исцелённым и болезни своей не видит. Если б я только могла помочь тебе!

– А ты – счастлива? – спрашивает её Кулёма.

– Да. Я знаю, что никому не делала худого, а потому спокойна.

Поднялся атаман с колен, тяжело смотрит на пленницу.

– Что ты сделаешь со мной? – спрашивает та.

– Я обещал не делать зла тебе. Слово я сдержу, – отвечает атаман. – Я отпущу тебе.

И, действительно, Кулёма сдержал слово, и девица возвратилась в родное село. Только с той поры переменялась разбойничья удача. И добыча уж не так богата, и от погони уходить стало труднее. Да и жалостлив стал атаман... Грабить-грабит, а душегубствовать не смеет. Поднялся ропот среди шайки, а тут ещё воевода один, разгневанный бесчинствами Кулёмы, положил большую награду тому смельчаку, который поймаёт его. И тогда сговорились разбойники, скрутили ночью атамана своего и свезли воеводе... Правда, денег не получили они. Поглядел на них воевода и сказал:

– Доносчику – первый кнут! – и распорядился покарать разбойников...

Кулёму же заключили в острог с тем, чтобы по окончании Великого Поста, который шёл тогда, казнить его.

Сидит Кулёма в остроге: сбылось пророчество – сгнуло золото его, сгнули шелка и меха, и сам он уж не тот молодец – седина коснулась смоляных усов, и морщины пролегли по челу, а в глазах – чёрная бездна, безысходная, страшная... Стал Кулёма вспоминать жизнь свою, вспоминает и ужасается: сколько жизней загубил он, сколько зла сотворил, а добра никто не видал от него, некому и о душе его помолиться будет, некому вспомнить добрым словом. И заплакал жестокий атаман в запоздалом отчаянии, заломил руки, стал смерть звать.

И был светлый праздник Благовещения, когда открылась дверь в темницу Кулёмы, и порог переступила хрупкая женщина, лица которой нельзя было разглядеть в темноте. Она несколько мгновений внимательно смотрела на атамана и, наконец, сказала тихо:

– Здравствуй, Кулёма.

– Кто ты? – спросил разбойник. – Зачем ты пришла?

– Я сон про тебя видела... Вот, и пришла. Зачем смерть зовёшь? Зачем Бога гневишь?

– Разве можно его прогневить более, чем прогневил я прежде?

– Можно, но можно и отмолить грехи. Даже теперь ещё можно.

– Что ты ведаешь про меня, что так говоришь?

– Я вижу, что ты не тот, каким был прежде. Ты глаза от меня прячешь – значит, совесть в тебе проснулась.

– Что с того? Всю жизнь я делал людям зло, а добра от меня никто не видел: некому меня будет и словом добрым вспомнить.

– Неправда... Помнишь ли ты девушку, которая когда-то попала тебе в плен? Ты ей жизнь и волю сохранил и зла не сделал...

– Я любил её... Но как ты можешь знать об этом? Или ты знакома с нею?

– Я знала ту девушку...

– Что с нею стало? Ответь мне, молю! Жива ли она?

– Жива. И тебя помнит, и чтит себя твоею должницей... Долг платежом красен, – женщина извлекла из своей котомки небольшой образок на цепочке серебряной и, подойдя к разбойнику, надела его ему на шею. – Носи его до самого конца и молись. Может, пощадят и тебя, как однажды пощадил ты, – сказав так, она ушла.

Вскочил атаман на ноги, узнав свою бывшую пленницу, бросился за ней, но поздно: дверь захлопнулась.

Вскоре после того занедужил Кулёма. Однажды зашедший к нему тюремщик не смог разбудить его и решил, что разбойник умер. Местные жители, узнав о том, воспротивились, чтобы злодей, столько лет внушавший ужас всей округе, покоился в их земле. Тогда воевода распорядился отвезти тело в лес и похоронить там. Но тюремщикам было лень копать мёрзлую землю, поэтому они просто засыпали тело ветками и ушли. Но атаман оказался жив. Свежий воздух пробудил его, и он пополз по лесу, не зная точно, куда и зачем. Однако, силы вновь оставили его.

Когда Кулёма открыл глаза, то увидел, что лежит в тёмной горнице, освещённой лишь яркой лампадой, чадающей перед большим образом, перед которым на коленях стояла та женщина, что приходила к нему...

– Зачем ты спасла меня? Ведь я душегубец...

– Раз Бог не привёл тебе быть казнённым, то как же я могла бросить тебя на съедение диким зверям?

– Пожалела, значит... А зачем не донесла обо мне? Воеводе?

– Ты для всех умер теперь. Это хорошо. Бог даёт тебе возможность воскреснуть, начать всё заново, искупить прежние грехи. Не упusti её.

– Скажи мне, для чего ты печёшься обо мне? Какое дело тебе до моей души, судьбы?

– Когда я увидела тебя впервые, то пожалела, и с тех пор не могла забыть. Ведь ты человек. Ты мог бы сделать много добра! И мог бы быть счастлив... Я очень хочу, чтобы ты стал счастлив. Ведь жизнь могла бы быть так прекрасна, если бы люди были добры друг другу, помогали друг другу, и сами не разрушали её своей злостью, обидами...

Уже скоро Кулёма поправился и собрался покинуть дом своей спасительницы.

– Куда же пойдёшь ты теперь? – спрашивает она.

– Далеко. Туда, где не знают меня. Буду добрыми делами зло искуплять, молиться да постом усмирять страсти свои. А, как состарюсь, так вернусь сюда и буду жить отшельником в лесу. Не бойся: за прежние дела не возьмусь...

– Я знаю. Ты иной теперь.

– Скажи, прежде чем я уйду, если бы я был другим, ты стала бы мне женою?

– Стала бы, – просто отвечает женщина.

– Значит, любишь?

– Люблю...

– Да за что же?

– Не знаю. Любовь не нуждается в объяснениях, причинах... Она подобна стихии... Ступай же! Я о тебе молиться буду.

– Я хочу, чтобы у тебя осталось что-то на память обо мне, – говорит Кулёма. Снял он с руки перстень и протянул ей, добавив: – Бери смело. Не ворованный. Он остался мне от матери. А она была не такой, как я... Она на тебя была чем-то похожа... Возьми!

Отдав перстень, Кулёма ушёл, растворился в распускающемся лесу. Перекрестила его женщина вослед и надела перстень на руку. Перстень тот чудной был. Металла простого, а искусной работы: на нём изображён был богатырь, разящий копьём змея...

Любава вздрогнула и прошептала:

– Господи! Это же мать Фемарь...

– Кто это – мать Фемарь?

– Игуменя монастыря, что в нашем княжестве... Она-то и рассказала мне о старце и благословила в дорогу. Надо же! А что же стало с Кулёмой?

– Об этом странница не говорила.

– Какая удивительная история... Наверно, это действительно любовь... – вздохнула княжна и почувствовала, что засыпает. Ночью ей снился черноусый Кулёма в алом кафтане и молодая мать Фемарь с ясными, кроткими глазами...

Глава 8. Проша-дурочка

И было уже лето в разгаре, когда лес стал медленно расступаться перед измученными путниками, и они вышли, наконец, на широкую, разбитую проезжими телегами дорогу. Внезапно где-то в стороне послышался тонкий, видимо, детский голос:

– Помогите! Помогите!

– Подожди меня здесь, а я схожу посмотрю, что случилось, – сказала Любава Кириллу и двинулась в ту сторону, откуда доносился голос. Не успела она сделать и нескольких шагов, как навстречу ей выбежала белокурая, босоногая девочка и большая лохматая собака.

– Это ты кричала? – спросила её княжна.

– Я... Там мальчика одного деревом придавило... – затараторила босоножка. – Ты ему помоги!

– Тебя как звать-то?

– Прошей...

– Ну, показывай, Проша, где там беда приключилась.

Девочка проворно заспешила вперёд, удивительно легко ступая босыми ногами по корягам. Очень скоро Любава увидела лежащее на земле дерево, придавившее ногу рыжему, конопатому мальчонке.

– Вот, он, наш Рыжик, – деловито сообщали Проша.

– Эх тебя угораздило! – покачала головой Любава. – Вот что, я сейчас попробую это дерево приподнять, а ты, чуть я скажу, выдёргивай ногу. Всё понял?

– Понял... – прогудел Рыжик.

Княжна нашла большую, крепкую палку и, подсунув её под дерево, с трудом приподняла его, крикнув:

– Тащи!

Мальчик выдернул ногу, и дерево вновь повалилось на землю. Любава утёрла выступивший пот и поглядела на Рыжика.

– Идти сам ты, конечно, не сможешь... – вздохнула она. – Далеко ли до деревни?

– Нет-нет, – проворковала Проша. – Близёхонько!

– Ну, тогда полезай ко мне на спину, – велела княжна мальчику. – А ты, Проша, поможешь идти моему другу...

– Это слепому-то?

– Ему.

Мальчик забрался Любаве на спину и повис у неё на плечах. Громко залаял пёс Проши и побежал вперёд.

По дороге Кирилл любопытствовал у Рыжика:

– Ты зачем же в лес один отправился? Без родителей?

– Это он с ребятами поспорил, что жар-птицу один изловит, – пояснила Проша.

– И изловил бы, если б ты за мной не увязалась!

– Ну, что ты выдумываешь? – покачала головой Проша. – Я же тебя спасла!

– Откуда в этом лесу жар-птица? – удивилась Любава.

– Люди наши говорят, что её там нет, а Рыжик видел. Только ему никто не верит! Смеются. Вот, он и решил доказать!

– А ты веришь? – спросила Любава.

– А как же? Разве ж можно не верить, коли человек говорит?

– Эх, Прошка, верно про тебя толкуют, что ты дурочка, – проворчал Рыжик. – Всему веришь... Жар-птицу я выдумал, если хочешь знать...

- Зачем же? – сплеснула руками Проша.
- А так просто! Для смеха!
- Хороший смех у тебя получился, – тяжело сказала княжна, порядком уставшая тащить на себе юного выдумщика.
- Ой, только не сердитесь на него, – застрекотала Проша. – Он ведь хороший, добрый... Просто он мечтать любит и...
- Да не трещи ты! – прикрикнул Рыжик. – Бестолочь.
- Веди-ка себя потише, – пригрозил Кирилл. – А то сейчас оставим тебя здесь. Хорош молодец! Обижаешь подругу.
- Она мне не подруга.
- Это почему же?
- Дурочка она у нас. Так все говорят. И мачеха её так говорит. Порет она её, порет, а всё без толку!
- У тебя что же, мачеха злая? – спросила Любава Прошу.
- Нет, нисколько не злая. Добрая она, – отозвалась девочка.
- Так ведь, коли бьёт тебя...
- Так это я сама виновата. Она добрая. Она мне добра хочет. Хочет, чтобы я умной была. А я глупая. Вот, она и сердится. Дурь выбить хочет...
- И не может! – поддакнул Рыжик. – Вы б знали, как она сечёт её. Дюже! А Прошка и звука не издаст. И всё-то к мачехе с почтением. А, когда та особенно лютует, так прячется от неё. Ребята наши с нею тоже не водятся. Смеются.
- Хорошие вы ребята, добрые! – усмехнулся Кирилл. – И не стыдно? Нельзя над человеком смеяться!
- А если смешно?
- И тогда нельзя. Нельзя унижать человека, причинять боль ему ни за что. Если ты этого не понимаешь, то ты – трус, слабый человек.
- Я трус?! – вознегодовал Рыжик. – Да я в лес один идти не побоялся!
- Не храбрость то, а безрассудство. Сила человека измеряется тем, как он относится к другим людям. Кто жесток, кто чинит несправедливые обиды, тот слаб.
- Рыжик замолчал и задумался.
- А, вот, и деревня! – вскрикнула Проша, показывая рукой вперёд. Дорога здесь шла вверх, и на склоне видны сделались белые с соломенными крышами хаты.
- Слава Богу, – облегчённо вздохнула Любава, чувствуя, что тело её уже заныло от усталости.
- Когда путники поднялись до середины склона, из деревни высыпали люди. Какая-то румяная и дородная тётка бросилась им навстречу с криком:
- Егорушка! Сыночек! Нашёлся!!!
- Княжна спустила мальчика с плеч и передала его матери:
- Принимай чадо, мамаша.
- Спасибо вам, хлопчики! – поклонилась тётка, забирая сына.
- Ты уж не ругай его, тётенька, – попросила Проша.
- Теперь не буду, а поправится – выпорю, чтоб мать больше не пугал, – пообещала тётка и добавила, обращаясь к путникам: – Вы за мной ступайте. Я вам творожку дам, сухариков в дорогу... Далеко, пойдёте, идёте-то?
- В Киев-град, – ответил Кирилл.
- В Киев-град... – протянула тётка. – Вот, и братец мой туда года два назад отправился. Ему, вишь, в нашем селе дюже скучно и простору мало! Отцы наши, деды жили – им хватало! А ему – мало! Забрал шубу свою да табак и в Киев! Только его и видали... Хотя, сказывают, Киев – город красивый. Монастыри там... Дюже красивые! Такие, что глаза слепнут от такой лепоты.

Как думаете, хлопчики, верно ли люди говорят, али брешут? Мне б только одним глазком на красоту эту полюбоваться – на всю жизнь хватило бы!

– Я в село не пойду, – сказала вдруг Проша. – Мачеха нынче дюже сердится...

– Ты вечером загляни ко мне, – сказала тётка. – Я тебе что-нибудь поесть дам.

– Спасибо, тётенька, – ответила Проша и свернула с дороги.

Дом Марфы Кондратьевны, как звали маму Рыжика, располагался посреди села. У ворот плетёной изгороди бродили белые козы, в небольшой канаве грелись на солнце два упитанных поросёнка.

– Ладное у меня хозяйство, хлопчики? – весело улыбнулась хозяйка.

– Такое хозяйство – глазу радость! – кивнула Любава.

– Ну, то, смотря, чьему глазу. Вот, сосед мой, Филька – эким чёрным глазом на него косится, аж жуть пробирает! Зависть его гложет. А чего завидовать? Мой муж да я день и ночь работаем, а он только люльку курит да пьёт! Хочет и не делать ничего, и чтоб хозяйство у него было, как у нас! Хорош ли гусь? Да и Грушка, Прошкина мачеха тоже того же поля ягода! Я вам по секрету скажу: ведьма она! Истый Бог, ведьма! В прошлом годе на Фомкину корову поглядела, так та и зачахла! У нас теперь никто её к себе на двор не пускает. Будь мой муж здешним головой, зараз бы управил, чтобы духа её в нашем селе не было!

Марфа Кондратьевна усадила сына на крыльцо, бросив коротко:

– Обожди. Вот, гостей дорогих попотчую, так потом и с тобой...

– Боевая женщина! – заметил Кирилл, едва хозяйка скрылась в хате. – Не мужу бы её, а ей головой быть.

Марфа Кондратьевна возвратилась быстро, неся корзину со снедью.

– Угощайтесь, хлопчики, – сказала она. – Тут вам и оладушки, и сухарики, и курочка, и ещё много всякой всячины. Ежели в Киеве встретится вам мой братец, так передайте ему... А, впрочем, ничего не передавайте. Дюже сладко ему будет! Ну, в добрый путь! Прощайте!

Любава и Кирилл поклонились щедрой хозяйке и отправились в дорогу. Когда отошли они от деревни на порядочно расстояние, то внезапно услышали позади себя лай.

– Проша? – догадался Кирилл.

Это была, действительно, Проша. Она стояла на дороге, теребя в руках венки из полевых цветов, а вокруг неё носился её пёс.

– Что ты здесь делаешь? – спросила княжна девочку.

– Я с вами в Киев пойду, – просто ответила та. – Мачехе живётся тяжело, и я ничем более не могу помочь ей, кроме как избавить от лишнего рта. А вам я в тягость не буду. Вы можете и внимания не обращать на меня: я только следом пойду вместе с Тяпой.

– Что будем делать? – спросила Любава Кирилла.

– Возвращаться теперь далеко, – пожал плечами тот. – Раз уж случилось так, то пусть идёт с нами. Делать нечего!

Так и пошли они втроём: княжна, красная девица, крестьянским отроком обряженная, гусяр-слепец да босоногая Проша.

– А зачем тебе в Киев? – спросила Любава девочку.

– Не знаю. Мне всё равно, куда идти. Но в Киев – хорошо. В Киеве церкви, красиво там. И людей, знать, великое множество!

– И что ж с того, что людей много?

– Так ведь это дюже чудесно, когда много людей! Я всегда люблю, когда многолюдно.

– Так ведь люди и обидеть могут, – заметил Кирилл.

– Нет, не могут... Я ведь не обижаюсь... А люди – они добрые. Я знаю... – Проша задумалась на мгновение. – Для чего-то только ссорятся они подчас и друг другу свет застыят... Про мою мачеху выдумали, что она ведьма. А это совсем даже неправда! Когда батюшка умер, так у ней я и двое младшеньких остались. Один в прошлом году захворал сильно и помер... Вот,

тогда он и стала часто гневаться. Нам ведь голодно жилось, худо. Мачеха работала день и ночь, а я ведь глупая, неумеха... Ей бы сыночка, братца моего сводного вырастить, а тут я ещё... А люди у нас в деревне добрые, но с нею не ладили, ведьмою ругают. И зачем? Я им говорила, что не правы они, а они не поверили. Мало ли, что дурочка скажет... А, мне кажется, что если б не серчали люди друг на друга, то горя бы меньше было...

– Напрасно тебя, Проша, глупой считают, – сказал Кирилл. – Ты, может, умнее их...

– Что вы! – рассмеялась Проша. – Самый умный на селе у нас – дядька Фома. Он грамоте обучен и книги читает, толстые-претолстые! И важный такой! – подозвав пса, девочка бросила ему палку, и тот побежал за нею, а его хозяйка, весело крича, за ним...

Глава 9. Гроза

Знойным выдалось то лето и засушливым, как и предсказывала Евфросинья. Но, вот, в какой-то день стали собираться на небе тучи, мрачные и тучные, загудел, заплясал повсюду ветер, заохал от щекотания его лес, и стало в нём темно, словно ночью. Загрохотал, ударяя в огромный бубен, гром, и ослепительная стрела молнии прорезала небо, бурным потоком хлынул дождь.

– Господи, спаси и пронеси, – прошептала Любава, пытаясь увернуться от ударов ветвей.

– Нужно найти какое-нибудь укрытие, – крикнул Кирилл, стараясь перекрыть рокот стихии.

– Какое может быть укрытие в лесу?! Да за какие ж грехи всё это?! – Княжна упала на колени и закрыла лицо руками. – Где же ты, Господи?! Отец мой в плену, народ в горе, а я... Нет у меня больше сил идти и терпеть! Отчего же не поможешь? Отчего отвернулся от нас?! Где же справедливость твоя?! Доколе нечестивцу Румбольду будет сопутствовать удача, а невинные будут страдать?! Нет справедливости! Нет правды!

– Что говоришь? Окстись! – прошептал Кирилл.

Раздался громкий треск. Любава подняла глаза. Мощным порывом ветра с корнем выворотило из земли старое дерево, и княжна едва успела оттолкнуть Кирилла и тем самым спасти ему жизнь. От удара молнии запылало дерево, стоявшее рядом. Проша в страхе прижалась к Тяпе.

– Если огонь перекинется на соседние деревья, большой пожар будет, – сказала она. – Говорят, наша деревня когда-то от такого горела...

Любава поднялась с земли, вытирая лицо от грязи. Она сделала несколько шагов в сторону и вдруг почувствовала, что земля уходит у неё из-под ног, и она проваливается куда-то вниз. В тот же миг она услышала вскрик Проши.

Любава больно ударилась при падении, но, оглядевшись, обнаружила, что провалилась в странную землянку, отделанную деревом, с полом, покрытым звериными шкурами. В углу лежал тюфяк, стояла табуретка и стол, а на нём слабо светилась лучина.

– Это ж что за дичь мне принесло? – услышала княжна хриплый голос. Огромный человек, почти великан, с лицом, скрываемым длинной седой бородой и волосами, одетый в звериные шкуры, стоял перед ней, хрустя пальцами больших, сильных рук.

– Здравствуй, хозяин... – дрожащим голосом сказала Любава.

– И тебе здравия, гость непрошенный. Что ж это ты мне крышу-то попортил? Сырости напустил...

– Я нечаянно... Мы шли в Киев, а нас застала гроза, и...

– Так с тобою ещё кто-то?

– Да, друг мой, слепой музыкант, и девочка...

– Сиди тут, – велел великан и скрылся.

Тем временем наверху Кирилл и Проша звали Любаву. Внезапно в кустах раздался треск. Девочка оглянулась и увидела большого человека в звериных шкурах, смотревшего на них из-под длинных, косматых волос.

– Ой, какой ты смешной, – улыбнулась Проша. – Ты леший?

– Леший, леший, – усмехнулся великан в усы. – Негоже людям в такую грозу в лесу оставаться. Надо же, не обманул спутник ваш... И впрямь люто нынче... Только через крышу гостям лазать в дом не след. Пойдёмте-ка, я вас через дверь проведу! – не дожидаясь ответа «леший» подхватил Прошу на руки, погрозил пальцем зарывавшему на него псу и, схватив Кирилла под руку, повлёк его вслед за собой.

В землянке великан развёл огонь и повесил над ним котёл с каким-то отваром.

– Идите к огню, – сказал он гостям. – Вона как иззябли – зуб на зуб не попадает!

– Дядя лесовик, а ты один живёшь? – спросила Проша.

– Один, – кивнул великан. – А вы, значит, в Киев идёте?

– Туда, – отозвался Кирилл.

– Хороший город, – одобрил «леший», поблёскивая цыганскими глазами. – Бывал там много лет назад.

– И Лавру видел? – любопытствовала Проша.

– И Лавру, и Днепр... Красота там необыкновенная!

– А где ты ещё бывал?

– Я, дочка, много где бывал... Я несколько десятилетий по земле бродил.

– Сколько же вы видели!

– Много и мало. Дело ведь не в том, сколько оком узришь, а в том, сколько душа впитает.

Иной и весь мир вдоль и поперёк исходит, а пустым человеком останется, а другой, сидя весь век в пещере своей, величайшей благодати исполнится.

– А люди каковы в разных краях?

– Люди? Что ж люди? Люди везде люди. Конечно, разны их обычаи, одежды, лица, а всё ж больше в них схожего, нежели отличного друг от друга.

– А далеко ли осталось до Киева? – спросил Кирилл.

– Недалече уж, – отозвался великан, попробовав отвар. – Скоро готово будет.

От огня в землянке быстро сделалось тепло, и хозяин снял с себя лохматую свою шубу. На груди его блеснуло что-то. Это была маленькая икона. Любава приподнялась на локте и внимательно пригляделась к великану.

– А как твоё имя, хозяин? – спросила она. – Чтобы знали мы, кого поминать нам за доброту.

– Что вам в моём имени? Его уж я лучше при себе оставлю.

– Не скрою, мне показалось, что мне доводилось слышать о вас от одного человека.

– Это вряд ли.

– Скажи, хозяин, не видел ли ты когда-нибудь причудливого перстня из простого металла, но искусной выделки, с изображением юноши, разящего копьём змея?

Великан вздрогнул:

– Откуда тебе известен этот перстень?

– Его носит одна женщина, пред которой я навсегда в долгу...

– Кто эта женщина?

– Игуменя одного монастыря, очень почитаемая в народе.

– Она заслужила такое почитание!

– Я думаю, ей будет приятно узнать, что человек, с которым когда-то свела его судьба, сдержал слово, ей данное.

– Если увидишь её, передай мой земной поклон, – прошептал великан и, сняв с огня котёлок, пододвинул его гостям. – Как остынет, так пейте по очереди. Отвар этот сил придаёт... Гроза завтра кончится, и вы сможете продолжить путь, – с этими словами он удалился в дальний угол землянки и, укрывшись с головой шкурой, добавил: – В землянке много меха. Постелите себе перед сном...

Наутро путники стали собираться в дорогу. Однако, Проша сильно ослабла и страдала от кашля, по-видимому, простудившись во время грозы.

– Девочка дальше идти не может, – заключил Кирилл.

– А нам дорог каждый день, – добавила Любава.

Великан сидел на табуретке и строгал из небольшого полена какую-то фигуру. Он поднял глаза и предложил:

– Оставьте девочку у меня. Я позабочусь о ней, как о родной дочери. Наберу ей малины, сварю бульону... Славная она. Мы поладим.

– Проша, ты слышишь? – окликнула девочку княжна.

– Идите, – улыбнулась та. – Я с радостью здесь останусь. Мне ещё нигде не было так хорошо. Только в детстве, когда был жив батюшка... Да и Тяпа будет со мной.

Любава поцеловала Прошу в лоб:

– Ну, прощай! Может, свидимся ещё!

«Леший» помог Кириллу и княжне выбраться из своего лежбища, и они, простившись с ним, продолжили путь.

Глава 10. Киев-град

И снова тянулись друг за другом дни. Однажды Любава взобралась на верхушку высокой сосны и стала оглядывать окрестности. Присмотревшись, она радостно воскликнула:

– Кирилл, я вижу купола! Там, на горизонте! Они сияют в лучах солнца! Это Лавра! Киев!

– Дошли... – выдохнул слепец, улыбаясь.

Они, действительно, дошли. Совсем рядом, с высоких днепровских круч, в бесконечное, яркое небо устремлялась прекрасная Киево-Печорская Лавра. Казалось, что ничто не держит её на земле, что вот-вот оторвётся она от неё и под волшебные звуки благовеста взмочет в небеса, к Тому, Кто один мог людскими руками создать такое чудо, как она, при виде которого у любого путника от восхищения сердце замирало и готово было также взмыть ввысь, забыв навсегда о бренной земле...

Подле Лавры собирался странный люд: переходные калики и богомольцы, гусяры и кобзари, женщины и мужчины, старики и малые дети. Когда Кирилл и Любава приблизились, старый кобзарь, с длинными, седыми усами, собрав вокруг себя многочисленных слушателей, курил люльку и рассказывал такую историю:

– Когда был я ещё молод, был у меня брат младший. Когда родители наши померли, пошли мы с ним по свету странствовать, счастья искать. Никто из нас не знал, что это такое, как выглядит, но думалось нам, что, коли встретим мы его на пути, то уж, наверное, узнаем. Однажды случилось нам переправляться через горное ущелье, а мосток-то хлипкий был и подломился, и упали мы с братом в это ущелье. Стены в нём отвесные, а людей во всей округе не бывает. Глядим мы: нет спасения! Заплакал мой брат, закрыл руками лицо и стал смерти ждать. Да и я, други, тоже её сижу поджидаю. День прошёл, другой, а смерти всё нет. Были у нас с собой кой-какие припасы съестные. Подкрепил я силы, и сделалось мне скучно. Взял я кобзу и стал играть на ней. Играю, а в небе птицы летают, слушают. Звери к пропасти подходят, наклоняются, слушают и наслушаться не могут. И понял я, что играю-то душой, что этой песне могли бы многие люди радоваться! А, погибнув, радости сей лишу их. Нет, думаю, не бывать тому. И стал я по отвесным стенам вверх карабкаться. Брат поглядел на меня и рукой махнул: напрасно, мол! Смирился со своею участью. Раз за разом срывался я вниз, ломал рёбра, обдираю кожу в кровь. Брат головой качал. А я думал: разве ж можно из пропасти без мучений выбраться? Нет, нужно перенести их! И однажды вся эта боль сложится в лестницу, по которой сможешь ты подняться из бездны. Так продолжалось много дней. Брат мой умер, и меня начали оставлять силы, но я не оставлял своих попыток. И, вот, однажды один из Архангелов Господних, увидев это моё рвение, смилостивился надо мною и опустил в пропасть длинную лестницу, по которой я поднялся наверх. Запомните же, други, чтобы ни было, не опускайте рук, не сдавайтесь, боритесь, и однажды и к вам опустится такая лестница, и будете вы вознаграждены за упорство своё и веру, и спасётесь!

Странные люди заворожено слушали старика, а, между тем, солнце стало садиться, разлилось над Днепром алым заревом, прошло по волнам малиновыми стопами... Настала ночь, и уже луна прошла серебряными сапогами по реке, оставив серебряные следы на её глади. Какая-то странница, склонив голову, затянула протяжную песню, которую подхватили другие странные люди. Голос за голосом, подобно тому, как многочисленные ручьи вливаются в широкую реку, пополняли могучий хор, и вот уже неслась песня раскатом по всему Днепру, заполняя собою тишину ночи.

Переночевав среди странных людей, Кирилл и Любава на заре отыскали лодку и поплыли на противоположный берег реки, где, по указанию знающих и бывалых странников, в пещере, вдали ото всех, жил, совершая свой подвиг, старец Илия. Путники нашли его почти сразу.

Казалось, он сам ждал их, сидя на камне возле входа в пещеру и глядя на дорогу прозрачными глазами.

– Христос с вами, чада, – приветствовал он гостей, едва они показались.

– Здравствуй, отец Илия, – отозвались путники, кланяясь старцу.

– Давно я жду вас, – сказал старец. – Вы ещё только полпути прошли, а я уж здесь шаги ваши услышал. Далёк был путь ваш и тяжёл. Не сбобели вы, не пали духом, дошли – будет вам за то воздаяние.

– Отец Илия, мы пришли просить твоей помощи... – начала Любава.

– Ведаю я и про то, кто вы, и про то, с чем пришли.

– И что же скажешь нам? – спросил Кирилл.

– Скажу, что исцелишься ты, но не от моей руки исцеление примешь. Не пришло ещё время к тому.

Кирилл поник головой.

– Не отчаивайся, чадо, – старец опустил Кириллу руку на плечо. – Обожди здесь. А ты, дочь моя, пройди со мною, – с этими словами он прошёл в свою пещеру, Любава последовала за ним.

– Ну, дочь моя, сказывай дело своё, – обратился старец Илия к княжне, когда они вошли в пещеру.

– Ты, должно, и сам ведаешь про то. Хочу я отца спасти и одолеть жестокого Румбольда. Говорят, будто есть у тебя Меч Истины...

– И чего только не выдумают люди! – усмехнулся старец.

– Разве ж лгут они?

– Подумай сама, дочь моя, разве ж может Истина быть в мече? Истина лишь в чистой и незамутнённой ничем душе человеческой быть может! Коли есть такой человек, то в его руках любой меч Кладенцом станет.

– Значит, нет меча у тебя?

– Есть меч. И кольчуга, и шлем. Всё есть. И меч, правда, не прост. Грешная рука не подымет его. Хочешь испытать себя?

– Хочу, – твёрдо сказала Любава.

Старец открыл стоявший в углу сундук, в котором лежали богатырские доспехи, а поверх них – остро наточенный меч. Илия легко извлёк меч и подал его княжне:

– Бери!

Любава схватила меч обеими руками, но удержать не смогла: меч со звоном упал на землю. Княжна схватилась руками за голову и прошептала:

– Что же я натворила! Зачем же тогда в грозу поддалась я слабости и возроптала? Всё я сама сгубила! Нет мне прощения...

– А ты отыщи человека, который смог бы поднять сей меч, – посоветовал старец. – Или же ты считала себя чище всех прочих?

– Я не думала о том... – тихо ответила Любава. – Только где же я найду такого воина?

Княжна вышла из пещеры и, спустившись к бьющему неподалёку ключу, умыла пылающее лицо ледяной водой, затем тяжело опустилась на траву и горько заплакала. Внезапно кто-то тронул её за плечи. Любава обернулась и увидела Кирилла, стоявшего подле неё на коленях. Княжна бросилась ему на шею и, рыдая, сказала:

– Всё напрасно оказалось... Погубила я и себя, и отца моего! Не поднять мне меча! Ну, что же ты молчишь? Скажи хоть что-нибудь! А лучше уйди от меня... Дурная я, а ты... У тебя душа чистая!

Кирилл обнял княжну и ответил:

– Что ты говоришь такое? Когда бы ни ты я бы погиб в пути. И нет на свете никого, кто был бы мне дороже тебя. Если б я был здоров и силен, то просил бы твоей руки. Я отдал бы

жизнь за тебя, я всё бы для тебя сделал! Но я всего лишь жалкий слепец, бродячий музыкант, так давно оставивший дом, что уже и позабывший род свой и племя... Я не смею и смущать слух твой такими речами... Меня любить нельзя...

– Молчи! – остановила его Любава. – Ты лучше всех. И это мне нужно посыпать голову прахом, ибо я грешна! И не ты слеп, но я! Помнишь Прошу? Её дурочкой считали, а она всех их умнее была. Так и ты, быть может, один зрячий среди тысяч слепцов, которые видят лишь себя, и даже весь мир умудряются видеть только как своё отражение! Милый мой, я тебя теперь никогда не оставлю, если не прогонишь... – княжна со слезами стала целовать чело и глаза Кирилла.

Внезапно тот вскрикнул и резко вскочил на ноги. Губы его задрожали, а глаза, неподвижные прежде, обрели вдруг выражение. Кирилл огляделся и сказал едва слышно:

– Я вижу...

Любава поднялась на ноги не в силах сказать ни слова. Кирилл подошёл к ней и долго пристально вглядывался в её лицо.

– Знаешь, сколько раз я мечтал увидеть тебя. Увидеть твоё лицо, – прошептал он. – Даже лица матери не желал я так видеть, как твоё... Как же ты прекрасна! Как солнце. Как небо! – Кирилл взглянул вверх. – Вот, оно какое небо! Синее небо! И красное солнце на нём!

– Видишь, сын мой, не долго пришлось ждать тебе, – послышался голос старца, спустившегося к руднику.

Кирилл бросился перед ним на колени, но Илия покачал головой:

– Слёзы любящей девушки вернули свет твоим очам и вера твоя.

– Отче! Этой девушке я обязан всем! Позволь мне испытать себя и поднять твой меч. Грешен я, но, быть может, смилостивится Господь и предаст сил мне.

– Добре молвил, – одобрил старец. – Идём же!

Едва войдя в пещеру, Кирилл увидел лежащий на полу меч. Прочитав молитву и перекрестившись, он протянул руку и поднял его неожиданно легко.

– Добре, сын мой! – улыбнулся Илия. – Видать, повторяешь ты судьбу мою. Тридцать лет был я прикован к постели, но странные люди исцелили меня, и тогда-то явилась во мне сила великая, за долгие годы накопленная. Мечом этим немало побил я врагов и разной нечисти и всё ждал, кому передать его. Теперь он твой! И отныне ты – Воин Истины! И этим мечом сокрушишь ты ложь и злобу и оборонишь от них святую правду Божию! Не отступись же, сын мой, неси этот меч с честью!

– Благослови, отче! – Кирилл опустился на колени.

Старец благословил его и сказал:

– Теперь возьми доспехи мои и отправляйся в город Белоярск. Туда со всем своим полчищем движется теперь чёрный Император Румбольд. Там собираются лучшие силы, чтобы противостоять ему. Там место тебе!

Кирилл поклонился старцу и, надев доспехи, отправился вместе с Любавой в город Белоярск...

Глава 11. Лука-воевода

Лука поднялся на крепостную стену и огляделся кругом. Немало трудов здесь положено, немало сил... В считанные дни возвели укрепления! Ещё и теперь внизу суетятся люди, насыпи сооружают, орудия тащат, смолу варят... Едва пронеслась весть о приближении войска Рум-больда, воеводы местные оставили город и позорно бежали. Начался тогда в народе разброд да шатание. Одни из города уходить собрались, другие – дань Императору предложить, третьи – защищать город до последней капли крови... Не может быть победы там, где нет согласия. Смотрел-смотрел Лука-богатырь на свары своих со своими да и не вытерпел: созвал народ на площади, бросил шапку оземь и держал речь такую:

– Что же это, братья, делаете вы? Куда зовёте? Враг на нас идёт, а вы между собою всё ссоритесь, Бога гневите вместо того, чтобы единым целым стать и пойти на рать великую, сечу грозную с силой тёмною и несметною! Предатели-воеводы бежали. Но неужели и мы бросим дома свои, предадим землю свою на поругание, святыни свои – на осквернение? Не будет нам прощения тогда!

Поднялась тут Феона, жена Луки, стала рядом с мужем, крикнула:

– Братья мои, сёстры, отцы и матери, не возьмём греха на душу, встанем грудью за родной край!

Молвил тут старый купец, в соболиную шубу кутаясь:

– Хорошо говорите. Да только войско без воеводы, что стадо без пастуха! А воевод нет у нас...

– Как же нет? – подал голос кузнец Минай. – Лука Терентьич у нас богатырь знатный! Коли он такое справедливое слово молвил, так пусть станет над нами воеводой, а уж мы тогда распри оставим и за землю-мать постоим! Так ли я говорю, православные?

– Так! Так! – послышались голоса в толпе.

– Спасибо, братья, за доверие! – поклонился Лука на все четыре стороны. – Принимаю на себе сей труд тяжкий, ответственность великую!

Явились тут братья-близнецы, отроки Акишка и Тишка и сказали:

– Отец-воевода, вели, что делать надо! В огонь и в воду мы за тебя!

Так и положено было начало славному делу. Кузнец Минай день и ночь мечи да доспехи ковал, жители укрепления строили, а Тишка с Акишкой с колокольни дали озирали, чтоб врага не пропустить и, как явится он, в колокол набатный с всею силой ударить.

И, вот, уж близко вражеская рать. Долго смотрел Лука, поглаживая русую бороду, с крепостной стены в бескрайнее поле, а жена его стояла рядом, ободряя мужа вкрадчивой речью. Прибежал тут Акишка и сказал:

– Отец-воевода, пришли люди какие-то издалека, богатырь и боярышня с ним, тебя видеть хотят!

Спустились Лука и Феона вниз. Навстречу им поднялись витязь с небесными глазами и девица удивительной красоты. Поклонились они воеводе, и сказал витязь:

– Долгий путь мы прошли к вам, чтобы сражаться вместе с вами против неприятеля. Я Кирилл, а со мною княжна Любава, дочь князя Светодара, пленённого полгода назад Императором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.